

КИТАЙСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Годъ XI. Вып. 9-10. 1914 г.

Отъ 15-го Іюня.

Два года въ запретномъ городѣ.

ГЛАВА IV.

Завтракъ у Императрицы.

Когда мы окончили пить чай, Императрица пригласила насъ пойти съ ней въ слѣдующую комнату позавтракать. Послѣ того количества сластей, какое она съѣла, мнѣ казалось, что она едва-ли сможетъ еще кушать, но скоро мнѣ пришлось увидѣть, что да. Вошедши въ комнату

она приказала, чтобы открыли кушанья, что и было сдѣлано. Ея Величество сѣла на первое мѣсто за столомъ, а намъ приказала стоять на ногахъ. Послѣ чего она сказала: „обычно Императоръ завтракаетъ со мной, когда мы бываемъ въ театрѣ, но онъ сѣняется сегодня придти, т. к. вы для него еще совершенно новыя лица. Я надѣюсь, что онъ со временемъ привыкнетъ къ вамъ и не будетъ такъ застѣнчивъ. Сегодня лучше вы трое покушайте со мной.“ Конечно, мы знали, что это особое благодѣяніе, и благодарили ее особымъ поклономъ до земли, прежде чѣмъ еще начать кушать. Этотъ поклонъ или склоненіе головъ до земли сначала очень утомляло насъ и у насъ очень кружились головы, до тѣхъ поръ, пока мы не привыкли.

Когда мы начали кушать, Ея Величество приказала евнухамъ принести для насъ тарелки и дать намъ серебряныя палочки, ложки и пр., при этомъ сказала: „я сожалею, что вамъ приходится кушать стоя, но я не могу нарушить законъ нашихъ предковъ. Даже молодая Императрица не можетъ сидѣть въ моемъ присутствіи. Я увѣрена, что иностранцы подумали-бы, что мы варвары, обращаясь такъ съ нашими придворными дамами, и я не желаю, чтобы они что-либо знали о нашихъ обычаяхъ. Вы увидите, что я совершенно веду себя иначе въ ихъ присутствіи, для того, чтобы они не могли меня видѣть въ дѣйствительности.“

Я наблюдала за ней въ то время какъ она говорила съ моей мамой и удивилась, увидѣвъ, какъ она много кушаетъ, послѣ того большаго количества сластей, орѣховъ и пр., сѣденныхъ ею еще въ спальнѣ.

Воловьё мясо считалось запрещенной вещью въ предѣлахъ дворца, потому-что грѣшно убивать и кушать то животное, которое работаетъ на васъ. Пища состояла по болшей части изъ свинины, баранины, дичи, курицъ и овощей. Сегодня свинина была приготовлена въ разныхъ видахъ, красная и бѣлая, красная была приготовлена съ специальнымъ соусомъ, сдѣланнымъ изъ бобовъ, которые придаютъ ей красный цвѣтъ и пріятный вкусъ; рубленая свинина съ рублеными бамбуковыми побѣгами; свинина нарѣзанная кубиками и изжаренная съ вишнями; поджаренная съ лукомъ и нарѣзанная тонкими пластами. Это послѣднее блюдо было любимымъ Ея Величества, и я должна сознаться, что оно было вкусное. Затѣмъ было въ родѣ пирога съ яйцами, свининой и мелко-изрубленными и поджаренными грибами; свинина съ капустой и еще съ рѣпой. Курица и баранина были тоже въ нѣсколькихъ видахъ. Въ центрѣ стола стояла очень большая чашка около двухъ футовъ въ

діаметръ изъ того же желтаго фарфора, въ которой были цыплята, утка и крылья акулы въ чистомъ супу. Крылья акулы считаются большимъ деликатесомъ въ Китаѣ. Кромѣ того были жаренныя цыплята и утка. Утка и цыплята были нашпигованы маленькими сосновыми иглами, чтобы придать имъ пріятный запахъ и жареныя въ печахъ на открытомъ воздухѣ. Еще одно было блюдо, которое очень нравилось Ея Величеству,—нарѣзанная кожа свинины маленькими пластиками и поджареная до тѣхъ поръ, пока не свернулась колечками, подобно тонкимъ ломтикамъ соленой грудинки.

Согласно обычаю, Маньчжурскій народъ рѣдко когда ѣсть рисъ, но очень любитъ хлѣбъ; и въ настоящее время у насъ былъ хлѣбъ, приготовленный въ разныхъ видахъ, какъ то: печеный, вареный, на пару и жареный; одинъ съ сахаромъ, другой съ солью и перцемъ, нарѣзанный разными формами или испеченный въ красивыхъ формахъ, похожихъ на драконовъ, бабочекъ, цвѣты и пр., и одинъ изъ нихъ былъ сдѣланъ паплетнымъ пирогомъ. Было много разныхъ пиккуль, любимыхъ Ея Величествомъ, а также бобы, зеленый горошекъ и пирожное изъ земляныхъ орѣховъ, которое подается съ сиропомъ изъ сахарнаго тростника.

Я не много кушала, т. к. я была слишкомъ занята, наблюдая Ея Величество и слушая ея разговоръ, хотя она просила насъ не стѣсняться и кушать, сколько мы желаемъ. Въ добавленіе ко всему, я замѣтила, что мы имѣли много пориджъ; однѣ изъ нихъ приготовлены изъ сладкаго маиса, другія изъ мелкаго желтаго рису (на подобіе птичьихъ сѣмянъ), и Ея Величество сказала, что мы всѣ должны кушать пориджъ послѣ пищи.

Окончивъ завтракъ, Ея Величество встала изъ-за стола и сказала: «Пойдите въ мою спальню и вы увидите молодую Императрицу и придворныхъ дамъ, какъ онѣ будутъ кушать; онѣ всегда кушаютъ, когда я окончу. Въ это время я стояла около двери между двумя комнатами и смотрѣла на молодую Императрицу и придворныхъ дамъ, какъ онѣ спокойно стояли и кушали. Имъ никогда не разрѣшалось садиться за столomъ.

Въ театрѣ же все еще продолжали играть какую-то сказку, но совершенно безъинтересную въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видѣли. Ея Величество сидѣла на кушеткѣ въ спальнѣ и пила съ нами чай. Мой читатель можетъ вообразить, какое мнѣ доставляло удовольствіе, видя, какъ со мной обращаются. Въ Китаѣ народъ думаетъ, что ихъ Государь—высшее бытіе и его слово есть тотъ-же законъ. Никто никогда не долженъ открывать своихъ глазъ, разговаривая съ Ея Величествомъ. Это—знакъ великаго уваженія. Поэтому мнѣ

казалось, что эти особенныя благодѣянія должны быть необыкновенными. Мнѣ говорили, что Ея Величество имѣетъ очень свирѣпый темпераментъ, но видя, что она такая добрая и любезная съ нами, разговаривая, какъ мать съ дѣтьми, я подумала, что тотъ, кто сообщилъ мнѣ это, ошибся, а что она на самомъ дѣлѣ была милѣйшая женщина въ мірѣ.

Отдохнувъ немного, Ея Величество объявила, что намъ уже время возвращаться въ городъ, такъ какъ становится поздно. Она дала намъ восемь большихъ желтыхъ коробокъ съ фруктами и пирожнымъ, чтобы взять съ собой домой. Она сказала моей мамѣ: скажите Ю-Кенгъ (моему отцу), что я желаю ему скорого выздоровленія и пусть онъ принимаетъ вотъ это лекарство, а также передайте ему эти восемь коробокъ фруктъ и пирожного. Слушая этотъ разговоръ, я подумала, что моему отцу, который боленъ съ возвращенія изъ Парижа, не принесетъ пользы, если онъ покушаетъ этихъ пирожныхъ. Однако, я знала, что онъ оцѣнитъ ея вниманіе, даже если-бы фрукты были вредны его здоровью.

Можетъ быть, моимъ читателямъ извѣстно, что существуетъ обычай кланяться до земли Ея Величеству, когда она даетъ подарки, и мы поклонились ей и поблагодарили ее за ея доброту и любезность по отношенію къ намъ.

Ея Величество сказала, что мы очень понравились ей, и выразила свое желаніе о томъ, чтобы мы пріѣхали и остались-бы при дворцѣ на правахъ придворныхъ дамъ. Мы приняли опять это за великое одолженіе и благодѣяніе къ намъ и выразили ей свою признательность. Она просила насъ вернуться черезъ два дня и привести съ собой одежду и вещи, остальное же она обѣщала все устроить сама. Ея Величество показала намъ домъ, въ которомъ мы будемъ жить при дворцѣ. Этотъ домъ заключалъ въ себѣ три большихъ комнаты и былъ расположенъ на правой сторонѣ ея двора. Ея дворецъ (всегда счастливый дворецъ) находится на берегу озера и считался излюбленнымъ мѣстомъ, гдѣ она проводила большую часть своего времени, читая и отдыхая, а по временамъ катаясь по озеру. Въ этомъ дворцѣ у ней было нѣсколько спаленъ и всѣ онѣ находились въ употребленіи.

Осмотрѣвъ домъ, мы отправились въ путь, покинувъ Ея Величество, молодую Императрицу и придворныхъ дамъ, и послѣ долгой и утомительной поѣздки достигли наконецъ своего дома истощенныя, но счастливья. Когда мы вошли въ домъ, мы были удивлены, встрѣтивъ нѣсколько свуховъ, ожидающихъ нашего возвращенія. Они привезли каждой изъ насъ по четыре куска императорской парти

въ подарокъ отъ Ея Величества. Еще разъ мы поклонились и поблагодарили ее за подарки. Подарки, присланные домой, мы положили на столъ, находящійся въ центрѣ комнаты, и опять поклонились до земли Ея Величеству и просили евнуховъ передать ей, что мы очень тронуты ея вниманіемъ.

Согласно обычаю, мы должны были отдарить евнуховъ; и мы дали каждому изъ нихъ по десять таэлей за безпокойство. Этимъ закончился день, полный событіями и выдающійся въ нашей жизни.

Впослѣдствіи мы узнали, что евнухи, отвозящіе подарки Ея Величества, должны сообщать ей, какъ были они приняты, благодарили-ли ихъ за нихъ и что имъ дали; полученное-же ими она никогда не беретъ себѣ. Затѣмъ еще много задала имъ вопросовъ о нашемъ домѣ и о томъ, довольны-ли мы остались ею и такъ далѣе. Евнухи чрезвычайно разговорчивы, и какъ только мы вернулись во дворецъ, они въ первый же день нашего прибытія рассказали сами все намъ.

Моя мама была очень обезпокоена поѣздкой во дворецъ, не зная, какъ оставить больного отца, но мы не могли не повиноваться приказу Ея Величества, поэтому возвратились обратно въ назначенный срокъ.

Первый день нашего пребыванія при дворѣ былъ очень безпокойный для насъ. Приѣхавъ, мы пошли и поблагодарили Ея Величество за присланные подарки, которые она послала намъ. Сегодня-же былъ назначенъ приемъ Русской дамъ Госпожѣ Плансонъ, женѣ Русскаго Посланника въ Китаѣ, которая привезла миниатюрный портретъ Русской Императорской фамиліи, какъ подарокъ отъ Царя, Вдовствующей Императрицѣ. На ея вопросъ, могу-ли я говорить по-русски, я отвѣтила, что нѣтъ, но что многіе Русскіе говорятъ по-французски, что, видимо, удовлетворило ее. Однако, она сказала: «Почему вы не сказали мнѣ ранѣе, что не знаете русскаго языка?» и въ то же время посмотрѣла на одну изъ придворныхъ дамъ, изъ чего я заключила, что кто-то подшутилъ надъ ней, потому что она, казалось, оцѣнила тотъ фактъ, что я сказала ей правду,—это и оказалось въ дѣйствительности: одна изъ придворныхъ дамъ уволена за то, что она ссылалась на знаніе иностранныхъ языковъ, а на самомъ дѣлѣ оказалось, что не знаетъ ни одного изъ нихъ.

Кромѣ этого приѣма было представленіе въ театрѣ и церемонія просватанія племянника Ея Величества. Это сватовство было устроено, согласно Маньчжурскому обычаю, двумя принцессами

императорской фамилии, пошедшими въ домъ будущей невѣсты, которая сидѣла на кровати, скрестивши ноги, съ закрытыми глазами, ожидая ихъ прихода. Когда онѣ прибыли въ домъ, онѣ прошли прямо въ спальню и положили изображеніе, называемое Жу-И, сдѣланное изъ чистаго нефрита, около 1 фут. въ длину, въ ея руки и повѣсили два шелковыхъ прекрасно-вышитыхъ маленькихъ кошелька поверхъ ея халата; въ каждомъ изъ нихъ было по золотой монетѣ. На вальцы надѣли два золотыхъ кольца съ надписью Да-си (великое счастье); изображеніе Жу-И означаетъ «исполненіе желаній».

Во время этой церемоніи была абсолютная тишина, и тотчасъ по окончаніи ея принцессы возвратились во дворецъ и сообщили Ея Величеству объ окончаніи оной.

ГЛАВА V.

Насъ никто не предупредилъ заранѣе о томъ, что въ этотъ самый день должна пріѣхать къ Ея Величеству жена Русскаго Посланника. Узнавъ о семъ, мы сказали Ея Величеству, что намъ нужно переменить наши костюмы для приѣма такой дамы, такъ какъ на насъ были будничныя, короткія платья. Причина сему была та, что во дворецъ не было ковровъ, а голый кирпичный полъ въ первый-же нашъ пріѣздъ во дворецъ испортилъ наши прекрасныя бархатныя красныя платья; кромѣ того: неуклюжіе евнухи все время наступали на наши шлейфы. Поэтому мы рѣшили, что короткіе костюмы на каждый день будутъ практичны. Ея Величество спросила: «Зачѣмъ вы думаете переменить ваши костюмы? Мнѣ кажется, что сегодня вы высматриваете много лучше, не волоча вашихъ треновъ позади васъ по полу. Вѣдь смѣшна идея имѣть платья съ хвостами, и это я замѣтила въ первый день вашего пребыванія во дворецъ.» Прежде чѣмъ мы успѣли ей что-нибудь отвѣтить, она сказала: „Я вижу, что со шлейфами платья для большихъ выходовъ и приемовъ, не правда-ли?“ На что мы ей кивнули головой въ знакъ согласія. „Тогда пойдите и одѣньте ваши великолѣпныя платья сейчасъ-же“. Мы тотчасъ же пошли и переменяли ихъ. На сестрѣ и мнѣ были платья изъ розоваго крепа, отдѣланныя брюссельскими кружевами съ прозрачными вставками и такого же цвѣта chiffon. На мамѣ же было сѣрое креповое съ черными розами, а воротникъ и кушакъ были слегка отдѣланы голубымъ атласомъ. Намъ пришлось одѣваться съ большою поспѣшностью, такъ какъ Ея Величество уже послала евнуховъ посмотреть, готовы-ли мы. Когда

она увидѣла насъ, она воскликнула: „Вотъ три волшебницы съ длинными шлейфами... Затѣмъ спросила насъ: „Не устаете ли вы таскать ваши шлейфы въ рукахъ, когда ходите? Костюмы прелестны, но мнѣ не нравятся ваши трэнъ; по моему, совершенно нѣтъ смысла имѣть такую вещь,—какъ трэнъ. Я удивляюсь, что эти иностранцы подумаютъ обо мнѣ, увидѣвъ васъ одѣтыми по-европейски. Я увѣрена-имъ не понравится эта идея. Моя же причина тому та я хочу, чтобы они знали, что я имѣю понятіе о вкусахъ ихъ одеждъ.—Я должна сказать, что ни одна изъ иностранныхъ дамъ не была такъ великолѣпно одѣта, какъ вы трое сейчасъ. Мнѣ кажется, что иностранцы не такъ богаты, какъ Китайцы. Я также замѣтила, что они носятъ очень мало драгоценныхъ вещей. Я слышала, что у меня больше вѣхъ на свѣтѣ драгоценныхъ вещей и, однако, съ теченіемъ времени я приобретаю ихъ все болѣе и болѣе.“

Мы были очень заняты приготовленіемъ къ приему Госпожи Плансонъ, которая прибыла въ 11 часовъ и была встрѣчена моей сестрой въ приемной комнатѣ въ первомъ дворѣ, а отсюда она провела ее въ приемный залъ, Ренъ-Шу-Діень, гдѣ ее приняла Ея Величество, которая сидѣла на своемъ большомъ тронѣ, что находился на возвышеніи. При этомъ присутствовалъ Императоръ, сидящій по лѣвую руку Ея Величества, а я стояла по правую и переводила ей разговоръ. На Ея Величествѣ былъ желтый прозрачный атласной парчи халатъ съ вышитыми мальвами и китайскими іероглифами Шоу (на многія лѣта), отдѣланный золотымъ аграмантомъ. На платьѣ была великолѣпная жемчужина величиною въ яйцо, а также множество браслетовъ, колець и золотые ногтяные защитители. Волосы-же были причесаны, какъ обыкновенно.

Когда Госпожа Плансонъ вошла въ залъ, моя сестра подвела ее къ ступенямъ трона и она поклонилась Ея Величеству, поздоровалась съ ней за руку, при этомъ она приподнесла ей фотографію Русской Императорской фамили. Ея Величество сказала очень хорошей спичъ, въ которомъ выразила благодарность за полученный подарокъ отъ Царя и Царицы. Я перевела ее спичъ по-французски Госпожѣ Плансонъ, такъ какъ она не понимала по-Китайски. Послѣ сего Ея Величество сказала мнѣ подвести Г-жу Плансонъ къ Императору, что я и сдѣлала. Онъ всталъ, когда она подошла къ нему, поздоровался съ ней за руку и освѣдомился о здоровьи Ихъ Величествъ. Ея Величество вмѣстѣ съ Г-жей Плансонъ прошли въ ея личный дворецъ, въ тотъ, въ которомъ такъ много было спальныхъ комнатъ, и бесѣдовали тамъ около десяти минутъ. Затѣмъ я пошла съ ней къ молодой Императрицѣ. Маньчжурскій за-

конъ очень строгій относительно свекрови и невѣстки. поэтому молодая Императрица сидѣла за ширмой позади трона во время аудиенціи, гдѣ мы и нашли ее. Отсюда мы пошли въ залъ, въ которомъ даются большіе обѣды, гдѣ и былъ набранъ завтракъ въ Маньчжурскомъ стилѣ.

Здѣсь я должна объяснить разницу между обычаями ѣды Китайскимъ и Маньчжурскимъ. Китайцы подаютъ чашки съ пищею, ставятъ въ центрѣ стола, и всякій беретъ и кушаетъ съ общаго блюда палочками, кто что желаетъ. Маньчжуры же кушаютъ со-всѣмъ иначе: каждому даютъ чашки и отдѣльныя тарелочки, какъ и въ другихъ странахъ. Ея Величества очень гордилась этимъ, говоря что это сокращаетъ время, не упоминая о томъ, что это чисте. Пища во дворцѣ всегда была очень хорошая и чистая, въ особенности, когда мы принимаемъ иностранныхъ гостей и, конечно, мы имѣли большое разнообразіе блюдъ для подобныхъ случаевъ, такъ, напримѣръ: крылья акулы, пудингъ изъ птичьихъ гнѣздъ, не упоминая уже о большомъ количествѣ прочихъ яствъ.

Сегодня утромъ я убирала сама столы по приказу Ея Величества и, дѣйствительно, они выглядывали очень мило, когда мы сѣли кушать. Кромѣ обыкновенной столовой посуды, были особыя подставки для мѣню въ видѣ золотыхъ драконовъ, маленькія серебряныя блюдечки, имѣющія форму персиковъ, наполненныя миндалемъ и сушеными съмечками, а также ножи и вилки въ добавленіе къ палочкамъ.

Ея Величество и Императоръ никогда не кушаютъ съ гостями, поэтому Г-жу Плансонъ угощала Императорская Принцесса и придворныя дамы. Когда завтракъ былъ на половину оконченъ, вошелъ евнухъ и сказалъ мнѣ, что Ея Величество желаетъ видѣть меня сейчасъ-же. Мнѣ тотчасъ же пришло на мысль, что что-нибудь мы сдѣлали неправильно, или же евнухи не такъ сообщили,—рудная придворная привычка; и я была весьма удивлена найдя ее улыбающейся. Она сказала мнѣ, какая милая и вѣжливая Г-жа Плансонъ; она видѣла много дамъ, пріѣзжающихъ во дворецъ, но не съ такими манерами, какъ эта, и она сожалѣетъ даже сказать, что нѣкоторые изъ нихъ вели себя нехорошо. Она сказала: "Онѣ, кажется, думаютъ, что мы-Китайцы-ничего не понимаемъ и смотрятъ висло на насъ. Я замѣчаю эти вещи очень скоро и удивляюсь видѣть людей хорошо образованныхъ и просвѣщенныхъ, но не умѣющихъ себя вести. Я думаю, мы, которыхъ они называютъ варварами, гораздо болѣе просвѣщенныѣ ихъ и имѣемъ лучшія манеры". Она всегда была очень вѣжлива съ иностранными дамами,

не обращая вниманія, какъ онѣ себя ведутъ, но когда онѣ уѣзжаютъ, она говорила намъ, кто изъ нихъ хорошъ, а кто нѣтъ. Окончивъ этотъ разговоръ, она дала мнѣ великолѣпный зеленый нефритъ для передачи Г-жѣ Плансонъ. Когда я отдала его ей, она пожелала сама лично поблагодарить Ея Величество; и я опять привела ее во дворецъ.

Позавтракавъ, она сказала мнѣ, какъ она довольна приѣмомъ Ея Величества и ея добротой, оказанной по отношенію къ ней; затѣмъ, простившись, отправилась въ обратный путь. Мы проводили ее до приемной залы, гдѣ ее ожидали носилки. У Ея Величества былъ заведенъ обычай, чтобы послѣ того какъ уѣдутъ все гости, мы должны пойти и сообщить ей о всемъ. Мнѣ кажется, что она ничуть не отличалась отъ прочихъ женщинъ въ этомъ отношеніи и тоже любила посплетничать немного. Ей желательно было знать, что сказала Г-жа Плансонъ, понравился-ли ей нефритъ и довольна-ли она осталась завтракомъ и пр.

Ея Величество осталась очень довольна моимъ переводомъ и сказала: "Мнѣ никогда никто не переводилъ такъ хорошо. Хотя и не понимаю языка, но я сразу могу видѣть, что вы говорите плавно. Какъ вы научились? Я никогда не позволю вамъ покинуть меня. Иногда европейцы привозятъ съ собой своихъ переводчиковъ, но я не могу понимать ихъ по-китайски и должна всегда угадывать, что они говорятъ; въ особенности нѣкоторыя изъ миссіонерокъ, что беретъ съ собой Mrs. Conger. Я очень счастлива имѣть васъ и желаю, чтобы вы остались при мнѣ такъ долго, сколько я проживу, а я постараюсь васъ выдать замужъ, но не скажу вамъ сейчасъ, за кого."

Я чувствовала себя очень счастливой, слушая Ея Величество, и думала, что я сдѣлала мой дебютъ при благопріятномъ предзнаменованіи, и была очень рада, что понравилась ей; но вопросъ о замужествѣ безпокоилъ меня и не выходилъ изъ моей головы. Когда я рассказала о всемъ мамѣ, она просила меня не тревожиться, такъ какъ я всегда могу отказаться, когда придетъ время. Когда сообщили о всемъ Ея Величеству относительно Г-жи Плансонъ, она отпустила насъ на покой, такъ какъ мы встали очень рано и слишкомъ много работали. Мы поклонились ей согласно обычаю и, сказавъ „спокойной ночи“, удалились.

Св. Николай и Китайцы.

На берегу рѣки Пасигъ, въ Китаѣ, и понынѣ существуютъ развалины иѣкогда стоявшей здѣсь часовни во имя святаго Николая.

По преданію, часовня эта была построена китайцами, и здѣсь происходили богослуженія, совершаемыя китайскимъ ламой; и ежегодно, въ день 6 декабря, къ часовнѣ св. Николая совершалось цѣлое паломничество, которое, какъ говорятъ, происходитъ тамъ и въ настоящее время.

Откуда-же у китайцевъ не-христіанъ (есть и христіане китайцы, но ихъ очень мало) такое почитаніе чудотворца Николая?

Краткое, устное, преданіе говорить такъ.

Очень давно, по рѣкѣ Пасигъ плылъ въ лодкѣ, возвращаясь къ себѣ домой, китаецъ, купецъ Сюнь-Ли-Хо.

Сюнь-Ли-Хо торопился домой радостный, такъ какъ торгъ его удался, и онъ взялъ большой барышъ.

Но вдругъ видитъ, что къ его шампункѣ (китайская лодка) приближается громадный крокодилъ.

Минуты Сюнь-Ли-Хо были сочтены, и онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на приближающееся къ шампункѣ страшное чудовище, которое отъ него оставить одно воспоминаніе въ сердцахъ жены и дѣтей.

Вспомнилъ Сюнь-Ли-Хо, что при посѣщеніи русскихъ кораблей онъ видѣлъ и слышалъ, съ какимъ почитаніемъ русскіе моряки относятся къ св. Николаю, что на каждомъ кораблѣ, и даже маленькомъ суденышкѣ, есть непременно икона Чудотворца, и что ему, Сюнь-Ли-Хо, много рассказывали тѣ же моряки хорошаго о св. Николаѣ.

Все это быстро пронеслось въ памяти Сюнь-Ли-Хо, а крокодилъ медленно но вѣрно приближался и Сюнь-Ли-Хо уже чувствовалъ дыханіе смерти.

И взмолился Сюнь-Ли-Хо къ Чудотворцу, прося его совершить чудо и спасти отъ ужасной смерти въ пасти крокодила.

Что будетъ съ моею бѣдной бабушкой (бабушка — жена) и моими маленькими дѣтьми, о чудотворецъ и покровитель русскихъ моряковъ, св. Николай! Спаси меня, спаси!

Такъ взывалъ погибающій Сюнь-Ли-Хо.

Еще мгновенье, и крокодилъ уже ударомъ опрокинулъ шампунку и Сюнь-Ли-Хо отъ страха зажмурилъ глаза, ощущая себя уже въ крокодиловой пасти.

Но — вдругъ... крокодилъ, какъ-бы пораженный ударомъ, замертво перевернулся на спину, и его трупъ понесло теченіемъ внизъ по рѣкѣ.

Сюнь-Ли-Хо былъ спасенъ

По возвращеніи домой, онъ разсказалъ односельцамъ и въ городѣ на рынкѣ о томъ, что съ нимъ было, и какъ его спасъ русскій святой, чудотворецъ Николай. Черезъ нѣкоторое время на деньги, собранныя китайцами между собою, была выстроена часовня во имя св. Николая, развалины которой сохранились и до настоящаго времени, и сюда, попрежнему, стекаются китайцы, для возданія почестей св. Николаю.

Во Владивостокѣ, гдѣ много китайцевъ, зачастую можно слышать отъ

нихъ, что «Николай шибко хорошій святой!»

Такъ, всёмъ, прибѣгающимъ за помощью къ Святителю Николаю, скоро помогаетъ великій угодникъ Божій, и чтуть его за это многіе иновѣрцы (даже магометане).

Мих. Мукаловъ.

(«Русскій Паломникъ»).

Изъ жизни Миссіи.

I.

Праздникъ всѣхъ св. Мучениковъ.

14 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ надъ Пекинскою Духовною Миссіей и ея паствою разразилась страшная гроза. Въ 1900 г. боксеры, видя въ европейцахъ и христіанствѣ причину всѣхъ несчастій, претерпѣваемыхъ родиной, рѣшились изгнать всѣхъ европейцевъ и уничтожить христіанство въ Китаѣ. Европейцы пострадали немного, но за то вся тяжесть гоненій обрушилась на христіанъ китайцевъ; они преслѣдовались, сжигались, убивались безъ различія пола, возраста и состоянія. Что пережили тогда бѣдные, смиреные, кроткіе христіане, повинные только въ томъ, что они были учениками Христа, членами Церкви Христовой, трудно передать. На основаніи разказовъ очевидцевъ, тѣ христіане, которымъ не удалось найти пріютъ въ европейскихъ миссіяхъ, испытали тяжелыя минуты; въ теченіе многихъ дней они не знали, что съ ними будетъ, смиренно покоряясь волѣ Божіей. Многие православные христіане собрались въ домъ священника при Миссіи, о. Митрофана Ци, но это не спасло ихъ; въ ночь съ 10-го на 11-ое Іюня Миссія была разрушена; а потомъ, чрезъ нѣсколько дней, домъ священника сожженъ и всё, находившееся въ немъ, были избиты. Самъ священникъ принялъ мужественно мученическую смерть. Другіе скрылись въ покинутыхъ фанзахъ, даже въ колодцахъ, но ихъ находили и тамъ. Тѣла ихъ были брошены въ колодець на дворѣ Миссіи. Многихъ изъ нихъ стводили къ кумирнѣ за Аньдинмыньскія ворота, заставляя ихъ отрекаться отъ Христа, но они мужественно претерпѣвали всё мученія и тамъ же на площадкѣ были казнены. Тѣла ихъ закапывались въ землю. Только около половины всей паствы сохранили свою жизнь. Что было ими пережито во время гоненій, когда они ни одну минуту не могли быть спокойны за свою жизнь! что почувствовали они, когда, возвратившись послѣ гоненій домой, они нашли разрушенныя фанзы и многихъ близкихъ людей, родныхъ и знакомыхъ, убитыми, часто даже неизвѣстно гдѣ. Оставшіеся православные христіане были въ Августѣ отправлены вмѣстѣ съ русскими членами Миссіи въ Тяньцзинь, гдѣ и прожили въ самомъ бѣдственномъ положеніи нѣсколько мѣсяцевъ. Только потомъ они стали понемногу возвращаться на свои пепелища и вновь устраиваться. Съ 1902 г. пріѣхала, наконецъ, новая Миссія на старое пепелище и начала созидать новую Миссію, какъ внѣшне, такъ и внутренне. Были возведены новыя постройки, расширена площадь владѣнія. Естественно, что однимъ изъ первыхъ дѣлъ новой Миссіи было—воздать дань уваженія и почитанія хри-

стѣнамъ, претерпѣвшимъ мученическую смерть. Въ 1903 г. было произведено разслѣдованіе, всѣ останки ихъ извлечены изъ колодца и изъ земли и погребены въ склепѣ, надъ которымъ былъ воздвигнутъ имъ памятникъ—каменный храмъ: въ нижнемъ этажѣ съ церковью во имя всѣхъ св. Мучениковъ, а въ верхнемъ—во имя Св. Николая. Этотъ храмъ такъ и назыв. мученическимъ. Въ правомъ нижнемъ предѣлѣ его устроена крещальня съ мраморной купелью.

Былъ установленъ праздникъ 10-11-е Іюня; это—чисто мѣстный Пекинскій праздникъ, но въдѣ Китайская церковь есть неотдѣлимая часть всееленской Православной Церкви, которая должна принимать участіе въ радостяхъ и скорбяхъ Китайской церкви. Праздникъ состоитъ изъ двухъ частей—корбно-покаянной и радостно торжествующей. Праздникъ начался съ 9-го Іюня: въ этотъ день совершена была исповѣдь всѣхъ учащихся въ миссійскихъ школахъ и другихъ православныхъ китайцевъ и братіи. Въ тотъ же день о. Арх. С. произвелъ испытаніе всѣхъ огмашенныхъ. Въ 6 часовъ вечера въ церкви всѣхъ св. Мучениковъ была совершена заупокойная всенощная; на литію и парастасъ выходилъ о. Арх. Симонъ, о. С. и о. С. На эктеніяхъ поминались православные христіане, пострадавшіе за вѣру во Христа. Пѣлъ хоръ учениковъ по-русски. Такъ какъ церковь небольшая, то весь народъ, кромѣ учащихся, стоялъ на дворѣ; послѣ всенощной было прочитано вечернее правило ко причащенію; всю ночь читалась Псалтирь. На слѣдующій день тамъ же о. Арх. Симонъ въ сослуженіи о. о. С. и С. служилъ заупокойную литургію, за которой приобщались всѣ учащіяся, служащіе въ Миссіи и другіе христіане. По окончаніи ея была отслужена панихида по-русски. Тихо раздавались скорбныя пѣснопѣнія, говорящія о бренности всего земного и утѣшающія надеждой на упокоеніе въ селеніяхъ праведныхъ. Въ 10 часовъ утра въ крещальной было совершено крещеніе оглашенныхъ; они были раздѣлены на двѣ партіи; сперва о. Игуменомъ Х. были окрещены мужчины и дѣти. Послѣ муропомазанія всѣ новокрещенные въ бѣлахъ одеждахъ со свѣчами, во главѣ съ о. Х. обошли трижды съ пѣніемъ "елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь" вокругъ церкви и затѣмъ поднялись наверхъ въ церковь Св. Николая, гдѣ и былъ законченъ обрядъ. Затѣмъ свящ. о. С. Чанъ окрестилъ женщинъ и дѣвочекъ. Послѣ крещенія всѣ новокрещенные пошли въ проповѣдническій залъ, гдѣ имъ было сказано наставленіе катехизаторомъ. Въ день 10-го Іюня установленъ строгій постъ: ни обѣда, ни ужина не полагается. Въ 3 часа дня въ Успенской церкви о. С. отслужилъ малую вечерню. Въ 6 часовъ вечера тамъ же началась торжественная всенощная; на престолѣ было красное бархатное облаченіе. Всѣ священнослужители были въ красномъ облаченіи. Вся церковь освѣщена электричествомъ. На литію выходилъ о. Арх. Симонъ со всѣмъ духовенствомъ. Послѣ шестопсалмія свящ. о. Сергій Чанъ произнесъ поученіе о страданіяхъ св. мучениковъ, претерпѣвшихъ всевозможныя мученія—огнемъ, мечемъ, разными орудіями пытки,—и удостоившихся мученическаго вѣнца въ царствіи Христовомъ. На величаніе вышелъ о. Арх. Симонъ со всѣмъ духовенствомъ. Глубокое впечатлѣніе производитъ величаніе: "величаемъ васъ, страстотерпцы святіи". . . О. Арх. Симонъ прочелъ Евангеліе по-славянски, а о. С. Чанъ по-китайски. Послѣ величанія всѣ христіане прикладывались къ св. иконѣ и поминались елеемъ. Къ сожалѣнію, уже часовъ съ 4-хъ погода стала хмуриться; весь вечеръ шелъ сильный дождь; поэтому постороннихъ христіанъ было немного.

На слѣдующій день къ 4 часамъ утра стали собираться въ церковь. Въ 4

часа былъ отслуженъ водосвятный молебенъ. Литургію служилъ о. Арх. Симонъ со всѣмъ духовенствомъ Миссіи. Всѣ новокрещенные стояли въ бѣлыхъ одеждахъ и приобщались Св. Таинъ. Катехизаторъ Амвросій Юй сказалъ поученіе о жизни и страданіяхъ Св. мучениковъ: Θεодвра, Трифона и Гордія, присоединивъ рассказъ о мученической смерти Иннокентія Фанъ и его семьи.

Послѣ литургіи начался молебенъ всѣмъ св. Мученикамъ съ крестнымъ ходомъ. Въ виду дождливой погоды пришлось отложить обычный крестный ходъ на кладбище и на мѣсто, гдѣ были замучены многіе изъ христіанъ; крестный ходъ прошелъ къ церкви всѣхъ св. Мучениковъ, гдѣ была отслужена литія, затѣмъ къ мѣсту, гдѣ находился прежде домъ свщ. о. Митрофана Цзи, разрушенный въ 1900 г. (теперь тамъ стоитъ крестъ), и на мѣсто первоначальнаго погребенія мучениковъ. По возвращеніи крестнаго хода въ церковь, продолжался молебенъ, закончившійся многолѣтіемъ. Затѣмъ всѣ православные китайцы (новокрещенные, ученики) направились въ столовую, гдѣ была для нихъ приготовлена праздничная трапеза. Въ этотъ день всѣ были освобождены отъ работъ и занятій. Дождливая погода повліяла на торжественность праздника, въ предшествующіе года крестный ходъ, съ хоругвями, съ пѣніемъ по улицамъ къ кладбищу, всегда привлекалъ многихъ язычниковъ. Въ этотъ разъ праздникъ вышло скромное, но внутреннее значеніе его все то же. Вся Миссія вспоминаетъ въ эти дни кровавыя событія, послужившія началомъ возрожденія и новаго расцвѣта Миссіи. Многіе изъ настоящихъ духовныхъ чадъ Пекинской Миссіи потеряли въ эти дни своихъ близкихъ—родителей, братьевъ, сестеръ, дѣтей. Теперь ослабѣла горечь утраты, зато усилилось благоговѣйное чувство къ этимъ близкимъ людямъ, удостоившимся особой милости Божіей—принять мученической вѣнецъ за Христа. Мы же, люди посторонніе, переживаемъ въ эти дни особія чувства: невольно воспоминанія переносятся къ тѣмъ православнымъ, которые отличались разными немощами, можетъ быть были мало просвѣщены, недостаточно сознательно понимали христіанскія истинны; а тѣмъ менѣе постигали христіанство въ его идеѣ, историческомъ значеніи, въ его исключительной цѣнности, и въ тоже время, по милости Божіей, претерпѣли тяжелыя, скорбныя минуты, физическія мученія и, подобно древнимъ св. мученикамъ, принесли свою жизнь въ жертву Богу, чтобы изъ нихъ, какъ изъ сѣмянъ, брошенныхъ въ землю, взошли новые всходы; возродилась новая жизнь въ Китайской церкви.

II.

Мученическая смерть Иннокентія Фанъ и его семьи.

Въ 1900 году въ числѣ прихожанъ Пекинской Духовной Миссіи былъ пожилой православный христіанинъ-китаецъ Иннокентій Фанъ; ему было 50 лѣтъ отъ роду; онъ служилъ въ Миссіи регентомъ и экономомъ. Иннокентій проживалъ съ своей семьей—женою Еленою, сыновьями—старшимъ Евменіемъ и младшимъ Иваномъ и дочерьми Софіей и Належдою въ одной изъ фанцзъ, находящихся близъ Миссіи.

Вечеромъ 17-го дня 5-го мѣсяца (10-го Іюня) боксеры сожгли всю Миссію, а затѣмъ зажгли и фанзу Иннокентія Фань, которая была пуста, такъ какъ вся семья Иннокентія скрывалась отъ боксеровъ. На другой день вечеромъ боксеры поймали Елену, жену Иннокентія, и повели ее за Ань-дин-мыньскія ворота, гдѣ было у нихъ капище; тамъ они приказали Еленѣ, чтобы она поклонилась ихъ кумиру; Елена отказалась кланяться ихнимъ богамъ и стала сопротивляться; тогда старшій боксеръ разгнѣвался, поднялъ съ дикой яростью надъ Еленой свой тупой мечъ и ударилъ ее по затылку; Елена упала въ безчувствіи. Полицейскій взялъ ее, завернулъ въ циновку и закопалъ на время около Аньдинмыньской улицы. На слѣдующее утро Елена стала стонать подъ землей; проходящіе люди тогда выкопали ее и отпустили. Она прибѣжала къ священнику о. Митрофану Цзи, у котораго въ домѣ былъ ея мужъ съ дѣтьми и другіе православные христіане. Когда они узнали о случившемся съ Еленой, они смугились и плакали, ожидая, что каждаго изъ нихъ ожидаетъ такая доля. Дѣйствительно, такъ и случилось.

Въ это время въ домѣ у о. Митрофана было около 80 православныхъ христіанъ, бездомныхъ, находившихся въ опасности, проводившихъ вмѣстѣ въ общеніи эти дни. 27-го дня того-же мѣсяца (20-го Іюня) ночью пришли боксеры и зажгли домъ о. Митрофана нѣкоторые изъ находившихся тамъ спаслись черезъ стѣну, другіе остались въ горящей фанцѣ; тамъ же находилась и Елена съ своими дочерьми; черезъ нѣсколько минутъ одна изъ дочерей ея выскочила изъ дома; волосы ея обгорѣли, тѣло было обожжено; къ счастью, бѣдную дѣвочку замѣтилъ самъ отецъ ея Иннокентій; онъ взялъ ее на руки и удалился отъ горящей фанцы. На другой день имъ негдѣ было пріютиться; они бродили въ разрушенной Миссіи; тамъ былъ колодецъ съ часовней (надъ нимъ служили постоянно водосвятный молебень), послѣ разрушенія колодца образовалась яма; въ ней и скрывался Иннокентій съ своей обгорѣвшей дочерью; вмѣстѣ съ нимъ были нѣкоторые православные христіане. Къ сожалѣнію, боксеры узнали объ этихъ бѣднякахъ и побили ихъ въ ямѣ камнями, и даже навалили на нихъ большіе камни.

О старшемъ сынѣ Иннокентія Фань—Евменіи—неизвѣстно, гдѣ онъ скончался, но онъ тоже былъ убитъ боксерами.

Вышеизложенное событіе свидѣтельствуетъ очевидецъ—младшій сынъ Иннокентія Фань—іеродиаконъ Иннокентій (Фань).

Католическая Миссія

I.

Послание Епископа Jarlin къ священникамъ и вѣрующимъ ап. викариатства въ Пекинѣ и пров. Чжили.

Мы счастливы, дорогіе братья и дорогіе чада, сообщить вамъ новость, которая будетъ вамъ очень пріятна: 1-го Января прошлаго года мы начали процессъ изслѣдованія для причисленія къ лику блаженныхъ и канонизации всѣхъ христіанъ нашей епархіи, убитыхъ боксерами въ 1900 г. изъ за-ненависти къ христіанской вѣрѣ. Хотя этотъ процессъ ведется по праву нашей обычной власти, но согласно разрѣшенію св. Конгрегации обрядовъ, по инструкціи послѣдней отъ 1905 года для апостольскихъ викаріевъ, это—дѣло весьма важное. Поэтому мы просимъ всѣхъ васъ помочь намъ своими молитвами о томъ, чтобы этотъ процессъ совершился во славу Бога и Его церкви.

Съ этой цѣлью мы постановили слѣдующее: 1) Пусть соберутъ всѣ писанія мучениковъ, и пусть пришлютъ ихъ намъ лично, или передадутъ ихъ избранному судѣ, когда онъ будетъ находиться въ данной мѣстности для производства разслѣдованія. Пусть христіане, которые обладаютъ такими писаніями, передадутъ ихъ своему миссіонеру, который въ письменномъ показаніи, подъ присягой, подтвердитъ день, когда эти сочиненія были ему доставлены, и имя того, кому они принадлежатъ. Подъ названіемъ «писанія» (écrit), разумѣются также брошюры, статьи, мелкія сочиненія и всякія другія вещи, продиктованныя, переписанныя, напечатанныя и изданныя мучениками. Если кто-либо не желаетъ лишиться этихъ драгоценныхъ писаній, то пусть онъ сдѣлаетъ точную копию съ удостовѣреніемъ подъ присягой, что онъ переписалъ вѣрно.

2) Пусть соберутъ все, что принадлежало мученикамъ, въ особенности одежду, часы, очки, предметы почитанія, молитвенники и т. д.; пусть просятъ христіанъ прислать намъ ихъ для того, чтобы мы могли устроить «Музей мучениковъ»: всѣ эти предметы, если Богу угодно будетъ, чтобы эти мученики были причислены къ лику блаженныхъ, будутъ драгоценными реликвіями, поэтому при нихъ должно быть удостовѣреніе ихъ подлинности, сдѣланное подъ присягой.

3) Пусть разыщутъ, если окажется возможнымъ найти, инструменты и орудія, которые послужили для убійства мучениковъ: эти предметы должны быть также доставлены избранному судѣ, когда онъ будетъ на мѣстѣ, или же присланы намъ съ писаніемъ, подтверждающимъ подъ присягой ихъ подлинность.

4) Всѣ христіане, у которыхъ были убиты боксерами родители, или родные, или друзья, и которые не знаютъ обстоятельствъ ихъ смерти, пусть разспросятъ добрыхъ язычниковъ, которые были свидѣтелями, съ тѣмъ, чтобы, когда пріѣдетъ уполномоченный судья, они могли бы дать показанія о всемъ, что они слышали отъ непосредственныхъ свидѣтелей, и въ особенности записать послѣднія слова мучениковъ въ моментъ ихъ смерти, и подтвердить, что, если бы мученики отреклись, они не были бы убиты.

5) Мы просимъ всѣхъ тѣхъ, которые будутъ призваны уполномоченнымъ судьей, не отказываться быть свидѣтелями и постараться говорить всю правду, чтобы они не подверглись наказанію отлученія отъ церкви, если они умолчатъ или не скажутъ правды согласно съ тѣмъ, что они видѣли или слышали.

Все это время просите Господа за насъ, чтобы мы могли выполнить это великое дѣло со всей тщательностью, и чтобы Господь благоволилъ возвести къ славѣ св. мучениковъ столько жертвъ жестокости боксеровъ.

Пекинъ. 10-го Мая 1914 г.

Stanislas Jarlin, Evêque de Pharbaetus, Vicaire apostolique de Pékin et du Tchely Nord. (Le Bulletin Catholique de Pékin).

II.

Рефератъ аббата Lebbe.

Въ газетѣ Figaro была помѣщена замѣтка о рефератѣ, прочитанномъ французскимъ миссіонеромъ-лазаристомъ P. Lebbe въ географическомъ залѣ de la Société des Conférences 11-го Декабря 1913 г. (по и. ст.) подъ заглавиемъ: „Choses vues par un missionnaire en Chine.“ Сообщение P. Lebbe имѣло большой успѣхъ. Миссіонеръ P. Lebbe родился въ Бельгій, въ молодомъ году уѣхалъ въ Китай, прожилъ много лѣтъ въ качествѣ миссіонера ордена лазаристовъ въ г. Тяньцзинь, основалъ журналъ „Koang-I-Lon“, распространенный во всѣхъ провинціяхъ Китая; (заглавіе журнала можно было бы перевести: „Общественное благо“). P. Lebbe сдѣлался совершеннымъ китайцемъ; онъ не пожелалъ даже снять китайской одежды; выхавъ изъ Китая три мѣсяца назадъ, онъ чувствуетъ уже тоску по Китаю.

Передъ началомъ реферата M. Doumic прочелъ по просьбѣ отсутствующаго M. René-Bazin привѣтственную рѣчь, въ которой послѣдній пишетъ о P. Lebbe: «Совсѣмъ молодымъ человѣкомъ онъ оставилъ многочисленную и любимую семью; онъ оставилъ свою родину и привязался удивительнымъ образомъ къ китайскому народу, къ которому пришелъ для проповѣди Евангелія. Онъ не только научился говорить по-китайски, но и изучилъ трудное искусство писать тысячи сложныхъ знаковъ. Даже болѣе, онъ проникъ въ китайское сердце, которое, по представленію многихъ Европейцевъ, такъ отличается отъ ихъ сердца, и нашелъ, что, напротивъ, это сходство—большое; что въ моменты, когда одна и та же вѣра призываетъ людей къ самопожертвованію, здѣсь и тамъ обнаруживается одинаковое величіе души. Его повѣствованія изъ времени боксерскаго возстанія полны удивительныхъ событій. Глубокія движенія, волнующія Китай, ему хорошо извѣстны. Въ Тяньцзинь цѣлыя толпы народа приходятъ на его бесѣды, которыя онъ ведетъ въ 7-8мѣстахъ съ помощью своихъ собратьевъ». Въ заключеніе M. René-Bazin выразилъ отъ имени Société des Conférences самыя сердечныя пожеланія тому, кто прибылъ съ Востока съ багажемъ болѣе цѣннымъ, чѣмъ бронзовыя древности, фарфоровыя вѣщицы и т. п., и глубокое сочувствіе далекому народу.

Корреспондентъ сообщаетъ о рефератѣ P. Lebbe: „его бесѣда была проста, безъ претензій на литературность или краснорѣчіе, но интересна и увлекательна. Человѣкъ, умѣющій наблюдать, приходящій издалека,—всегда интересенъ, когда онъ можетъ сказать: „Я былъ тамъ“, но для того, чтобы увлечь, этого недостаточно; здѣсь путешественникъ—апостоль; онъ несетъ свое апостольское служеніе въ странѣ, обогрѣнной христіанской кровью въ теченіе многихъ вѣковъ. Какъ могъ онъ не найти дороги къ нашему сердцу?»

Онъ говорилъ намъ сперва о китайскомъ народѣ, каковъ онъ—самъ по себѣ, не касаясь тѣхъ измѣненій, которыя христіанство способно внести въ желтую расу; онъ говорилъ о немъ съ любовью. Говорять, что Китаецъ не религіозенъ, безнравственъ, враждебно настроенъ ко всемъ чужому (ксенофобъ).

Не религіозенъ? это—чистѣйшая клевета. Напротивъ, онъ—декетъ, онъ вѣрить въ Провидѣніе, онъ не сомнѣвается въ будущей жизни, хотя онъ и представляетъ ее себѣ не такъ, какъ мы, такъ какъ онъ вѣрить въ переселеніе душъ (метампсихозъ). Наконецъ, его религія перемѣшана съ суевѣріями; его богословіе находится въ совершенномъ упадкѣ.

Онъ—враждебно относится къ чужестранному? да, какъ и въ Аѳинахъ, и въ Римѣ во времена язычества, но не болѣе. Язычеству, но не расѣ, слѣдуетъ приписать эту враждебность по отношенію къ чужому; впрочемъ, она съ теченіемъ времени уменьшается.

Онъ—безнравственъ? совершенно невѣрно. Китаецъ—не воръ и не распутникъ; это также вѣрно, какъ и то, что эти два слова: „воръ“, „распутникъ“ въ Китаѣ содержатъ въ себѣ смертельныя оскорбленія.

Говорять, что онъ—лѣнивъ. Какая ошибка! онъ работаетъ постоянно; дѣйствительно, его вздержанность и простота жизни позволяютъ ему довольствоваться самой ничтожной платой. Вотъ въ чемъ истинная желтая опасность! Вотъ почему Америка отталкиваетъ китайскихъ рабочихъ, какъ нежелательныхъ.

Жестокость Китаецъ? совсѣмъ нѣтъ. Иногда приписываютъ Китаецамъ самую утонченную жестокость въ изобрѣтеніи средствъ пытки: мы не забыли еще *le Jardin des supplices*. Китаецъ вовсе не жестокъ; по крайней мѣрѣ, онъ не болѣе жестокъ, чѣмъ мы были сами во времена, гдѣ счастью, прошедшія.

Въ общемъ Китай—чуждая страна! Но сколько основаній было бы для насъ не только любить его, но и удивляться ему, если бы онъ былъ христіанскій!

Онъ—христіанскій мѣстами. Въ Китаѣ въ настоящее время—около двухъ милліоновъ католиковъ; въ сравненіи со всѣмъ населеніемъ это—немного, но достаточно, чтобы мы могли судить о той моральной высотѣ, на которую христіанство подняло эту расу, еще языческую.

Китаецъ-язычникъ имѣетъ два большихъ недостатка: у него нѣтъ ни мужества, ни сердца. Опытъ показываетъ, что вѣрованія и обычаи христіанскіе производятъ въ немъ самыя удивительныя, самыя глубокія превращенія.

Р. Lebbe разказалъ намъ о такихъ фактахъ, которые онъ самъ видѣлъ и которые свидѣтельствуютъ о религіозномъ героизмѣ. Большая часть ихъ относится къ преслѣдованію со стороны боксеровъ (1900 г.). Кромѣ того, по его наблюденію, вездѣ, гдѣ Китаецы-христіане имѣли время объединиться и сорганизоваться, они одерживали побѣды надъ силами, превосходящими ихъ въ сто разъ. Въ христіанствѣ они находили мотивы быть мужественными и не бояться смерти.

Необходимо замѣтить, что съ нихъ не требовали дорогого выкупа за жизнь; они могли спасти ее черезъ отреченіе: достаточно было объявить: «Я болѣе не христіанинъ». Между тѣмъ среди нихъ не было отпаденій. Многіе изъ нихъ выдержали, съ молитвою на устахъ и съ радостью на сердцѣ, продолжительныя пытки; умирая, они исповѣдывали смѣло свою вѣру. Такъ, одно 8-ми-лѣтнее дитя, послѣ того, какъ на его глазахъ были умерщвлены отецъ и мать, на требованія палачей просило отвести его въ кумирню, но тамъ, къ общему изумленію, бросило въ голову идола со судъ съ ладонемъ, который зажгли передъ нею; дитя было распято на дверяхъ храма и скончалось послѣ нѣсколькихъ часовъ агоніи.

Еще много разсказаль намъ Р. Lebbe; мы были по-истинѣ тронуты до глубины души; изъ словъ миссіонера вытекалъ для насъ поучительный урокъ. Отъ китайскихъ мучениковъ, о мужествѣ которыхъ передъ мученіями и передъ смертію онъ намъ разсказаль, мы сн-ва научились гордости быть христанами.

(«Le Journal de Pekin»).

Протестантская Миссія.

The term Question.

(Вопросъ о терминѣ).

Въ началѣ семнадцатаго столѣтія вышеуказанное заглавіе стояло часто во главѣ многочисленныхъ статей и составляло тему для разсужденій какъ въ духовной, такъ и свѣтской печати въ Китаѣ. Объ этомъ вопросѣ велись горячія пренія; каждый писатель чувствовалъ призваніе что-либо сказать о немъ; разговоры о немъ были распространены среди широкихъ круговъ. А теперь сомнительно даже, найдутся ли читатели, которые могли бы угадать, о чемъ всѣ тогда писали: не о политикѣ, не о хозяйственныхъ дѣлахъ; это былъ не схоластическій споръ, а чисто лингвистическій—о терминѣ который долженъ быть употребленъ въ переводѣ слова «Богъ» на Китайскій языкъ.

Первые миссіонеры Римско-католической церкви въ разрѣшеніи этого вопроса пришли къ результатамъ, которые оказались роковыми для нихъ. Иезуиты, прибывшіе въ Китай раньше другихъ и приобрѣтшіе скоро расположеніе и поддержку Императора, рѣшили, что Шанъ-Ди (Верховный Правитель) было самымъ подходящимъ терминомъ. Это—туземное слово, часто употребляющееся въ классикахъ, и указывающее на Высше Бытіе; если же обратиться къ самымъ древнимъ временамъ, то придется придти къ заключенію, что Китайцы понимали подъ этимъ именемъ того самаго Бога, какъ и христіанская Библія; только въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій они потеряли познаніе о Его личности и пониманіе символическихъ знаковъ первобытнаго человѣчества. На этой точкѣ зрѣнія всѣ согласились, пока не пріѣхали доминиканцы, которые тотчасъ же вступили въ споръ съ своими предшественниками.

По ихъ мнѣнію, Шанъ-Ди было названіемъ идола. Они говорили, что Китайскій языкъ не имѣетъ подходящаго термина для употребленія понятія «Богъ» и поэтому надо изобрѣсти его. Они считали самымъ подходящимъ терминомъ «Тянь-Чжу» (Небесный Господь) и обратились къ папѣ Клименту II съ просьбой разрѣшить ихъ споръ, что онъ и сдѣлалъ. Иезуиты обратились въ свою очередь къ императору Канъ-Си, ихъ покровителю, самому выдающемуся и ученому изъ всѣхъ императоровъ Маньчжурской династіи. Онъ былъ на ихъ сторонѣ. Къ этому времени Римско-католическая церковь сдѣлала огромные успѣхи не только при дворѣ, но и во всѣхъ провинціяхъ. Думали, что такое хорошее начало дастъ надежду на скорую побѣду надъ всѣмъ народомъ. Споръ по поводу вышеуказаннаго термина разрушилъ все.

Папа настаивалъ, чтобы миссіонеры повиновались его рѣшенію и чтобы Тянь-Чжу было общеупотребительнымъ терминомъ повсюду. Императоръ требовалъ, какъ правитель страны и высшій авторитетъ въ литературѣ, чтобы его рѣ-

шеніе было уважено. Несогласіе дошло до того, что Папа предъявилъ свои духовныя права и настоялъ на томъ, что власть Папы въ этомъ отношеніи выше, чѣмъ власть Императора.

Папа поступилъ несправедливо съ Императоромъ Кань-Си, независимость и гордость котораго равнялась его энергіи и способности. Иезуиты и доминиканцы тотчасъ же лишились его милости и расположенія, а слѣдующій Императоръ запретилъ проповѣдь христіанства и всѣмъ иностраннымъ миссіонерамъ было приказано очистить страну подъ страхомъ смертной казни. Такое состояніе продолжалось до 1844 года. Папа выигралъ споръ, но потерялъ Китай. Тянь-Чжу-Цзяо (религія Небеснаго Господа) было названіемъ католичества.

Когда протестанскіе миссіонеры начали свою дѣятельность, они возобновили свою распрю по поводу того-же термина и составили сильную партію противъ «Шанъ-Ди», съ равносильной оппозиціей. Раздѣленіе продолжалось до изобрѣтенія новаго термина «Шанъ-Ди-Чжу» (Высшій Господь), Шанъ-Шанъ (истинный Богъ) и Шанъ (Богъ). По этому поводу возникла жестокая распря; она была такъ велика, что сторонники разныхъ партій перестали разговаривать объ этомъ предметѣ. Каждая партія печатала Библию и другія книги съ своимъ излюбленнымъ терминомъ, отъ чего каждая миссія понесла убытокъ. Такое состояніе дѣлъ было прекращено резолюціей Шанхайской конференціи 1890 г., которая гласила, чтобы болѣе не было распрей по этому поводу и чтобы ничего не было печатано на эту тему. Позднѣе «Шанъ-Ди» было принято обществомъ издателей, какъ единственный терминъ, долженствующій быть въ употребленіи оны и въ настоящее время — въ употребленіи. Споръ временно затихъ почти на цѣлую четверть вѣка, однако, теперь появилась группа лицъ, желающихъ воскресить его.

Изъ Шанхая сообщаютъ слѣдующее: «Вчера вечеромъ на большомъ митингѣ здѣсь (въ Шанхэй) было единодушно рѣшено принять мѣры для учрежденія Китайско-Библейскаго литературнаго общества для печатанія Китайской литературы съ «Шанъ» въ переводѣ слова «Богъ». Всѣ, кто желаетъ присоединиться и сохранить истинный и вѣрный переводъ Библии и дѣйствительной христіанской литературы, будутъ такъ любезны сообщить свой адресъ одному изъ членовъ временнаго Комитета. Тогда будетъ собранъ митингъ для избранія названія этого общества, выработки устава и выбора должностныхъ лицъ».

Изъ жизни Китая.

РЕСПУБЛИКА И ИМПЕРАТОРЪ.

Вслѣдствіе того, что въ конституціи, недавно пересмотрѣнной, находятся статьи, предусматривающія специально благожелательное отношеніе къ Манчжурамъ, представители низложенной династіи, какъ извѣстно, выразили благодарность Президенту Юань-ши-каю. Ихъ признательность понятна и тѣмъ болѣе естественна, что во всѣхъ другихъ республикахъ не относились къ низложеннымъ правителямъ съ подобнымъ доброжелательствомъ и щедростію.

Меѣне естественнымъ представляется то безпокойство, которое испытываютъ нѣкоторые Маньчжуры, находящія, что статьи, опредѣляющія специально благожелательное отношеніе къ прежнему императорскому дому, неполны. По ихъ мнѣнію, остается одинъ неясный пунктъ: въ статьяхъ объявляется, что Императоръ сохраняетъ право на императорскія почести. Съ нимъ будутъ обходиться согласно этому положенію; онъ будетъ разсматриваться какъ иностранный правитель. Но для Маньчжуровъ этого недостаточно: будетъ ли титулъ наследственнымъ, или нѣтъ? Вотъ важный вопросъ, занимающій ихъ. Можно было бы сказать, что титулъ, бывшій съ самаго начала наследственнымъ, долженъ продолжаться существовать, по крайней мѣрѣ до полной отмѣны его, но на это легко можно было бы возразить, что то, что было приобретено ихъ побѣдою, можетъ быть отнято и измѣнено.

Во всякомъ случаѣ можно было бы сказать, что подобное положеніе казалось бы Китайцамъ ненормальнымъ. Для нихъ будетъ страннымъ видѣть рядомъ стоящимъ съ Президентомъ, правителемъ Китайской націи, представителя иностранной династіи, который будетъ являться искушеніемъ для одной партіи и, напоминая о прошедшемъ, возбуждать желаніе возстановить это прошедшее. Въ этомъ кроется опасность, которую было бы трудно устранить совершенно. Съ другой стороны, ясно, что для Маньчжуровъ существованіе ихъ императора съ своимъ титуломъ, даже при отсутствіи власти, составляетъ драгонѣнный залогъ благоприятнаго положенія, которое имъ предоставлено. И если, въ случаѣ смерти Императора, не будетъ никого, имѣющаго право на его наследіе, то Маньчжуры будутъ опасаться, какъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ они не лишились своего благоприятнаго положенія и удобствъ существованія, которыя еще долго будутъ имъ необходимы, такъ какъ они въ теченіе многихъ лѣтъ привыкли къ военной службѣ, посвящая ей все свои силы, пренебрегая занятіемъ другими отраслями культуры и не развивая способностей, которыя дѣйствительно необходимы гражданину, не ведущему исключительно придворную жизнь; для того, чтобы приобретать необходимыя средства къ жизни.

Во всякомъ случаѣ надо признать, что этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время не имѣетъ практическаго интереса. Впрочемъ, чего еще могли бы они требовать отъ правительства, которое, сверхъ прочихъ правъ, общимъ веѣмъ гражданамъ, даровало имъ извѣстныя привилегіи правительства, при которомъ маньчжурскіе чиновники пользуются прекраснымъ положеніемъ. («Le Journal de Pekin»)

II.

Сынъ Неба.

Въ виду жертвоприношенія Небу, которое будетъ имѣть мѣсто 23-го Декабря въ день зимняго солнцестоянія, предполагается начать необходимыя приготовления къ этому торжеству.

Корона, которую носили императоры Яо и Шунь будетъ возобновлена и украситъ чело главы государства, который появится въ великолѣпномъ одѣяніи. Хотя Президентъ Юань-ши-кай хотѣлъ сохранить за церемоніей ея древній и священный характеръ и отнестись съ уваженіемъ къ обрядамъ и малѣйшимъ

деталѣмъ совершенія церемоніи, онъ все-таки понялъ, что современный глава государства не могъ бы надѣть костюмъ древнихъ правителей, потому что это одѣяніе находилось бы въ странномъ контрастѣ съ формой окружающей его свиты. Президентъ будетъ одѣтъ въ военную форму, но поверхъ ея будетъ надѣта придворная мантия. Глава Китайскаго государства впервые предстанетъ передъ алтаремъ Неба въ военной формѣ, но не долженъ ли Китай слѣдовать примѣру и другихъ націй? Кромѣ президентовъ Французской и Американской республикъ, главы всѣхъ остальныхъ государствъ надѣваются въ торжественныхъ случаяхъ военную форму.

Когда было рѣшено, что Президентъ Китайской республики будетъ совершать, какъ и прежніе правители, жертвоприношеніе Небу, часть прессы и общество въ массѣ было весьма изумлено; какъ будто даже это произвело неблагоприятное впечатлѣніе, между тѣмъ, нѣтъ ничего болѣе логичнаго и разумнаго. Во все время Небо было для Китайцевъ Владыкою Правителемъ; нужно ли порывать съ традиціей только потому, что Маньчжурская династія была свергнута? Эта династія сохранила лишь культъ, который отправлялся и предшествующей династіей.

Такимъ образомъ необходимо продолжать совершеніе жертвоприношеній Небу; слѣдов. нѣтъ основаній удивляться тому, что эта честь выпадаетъ на долю Президента Юань-ши-кай. Развѣ онъ не является главою государства? развѣ не представляетъ въ своемъ лицѣ всѣхъ сыновъ Неба? Было ли бы разумно въ республикѣ предоставить Маньчжурскому эксъ-императору быть представителемъ націи и приносить жертву Небу, какъ если бы онъ не былъ низложенъ?

Безъ сомнѣнія, иностранцу трудно признать, чтобы Президентъ республики могъ исполнять обязанности, принадлежавшія до сего времени лишь правителямъ, которые по преемству имѣли власть отъ своихъ предковъ, а послѣдніе получили ее отъ Бога. Далѣе, нельзя замѣтить разницы между Президентомъ Юань-ши-каемъ и правителемъ недавно коронованнымъ, какъ принцъ Видь. Оба они находятся въ началѣ ихъ дѣятельности въ качествѣ правителей; развѣ второй только потому, что онъ имѣетъ право на титулъ короля, имѣетъ болѣе авторитета быть представителемъ націи въ отправленіи національнаго культа, чѣмъ Президентъ Юань-ши-кай?

Необходимо признать, что принесеніе жертвъ Небу Президентомъ Юань-ши-каемъ не заключаетъ въ себѣ ничего удивительнаго: никто, кромѣ него, не имѣетъ права на эту честь; и даже, такъ какъ въ Китаѣ нѣтъ верховнаго жреца, иначе невозможно было бы поступить. Кромѣ того, преимущества и права Президента Юань-ши-кай одинаковы съ правами какого-либо правителя: Китайская республика не могла сразу подняться на уровень старшихъ республикъ; періодъ преобразованій долженъ быть пройденъ; Президентъ Юань-ши-кай, наученный опытомъ послѣднихъ лѣтъ, призналъ необходимымъ сохранить за собою всю власть, потому что для блага страны необходимо одинъ авторитетъ; иначе страна была бы погружена въ анархію.

Можно ли утверждать на разумныхъ основаніяхъ, что титулъ Президента несовмѣстимъ съ обязанностями, которыя онъ неизбежно долженъ выполнять? Согласились бы противники Юань-ши-кай видѣть его приносящимъ жертву Небу съ титуломъ, въ желаніи присвоить который они его упрекаютъ?

(Le Journal de Pékin).

Въ далекомъ Китаѣ.

(Письмо изъ Пекина).

Послѣ пятимѣсячной отлучки въ Россію по дѣламъ миссіи, преосвященный епископъ Инокентій, начальникъ православной миссіи въ Китаѣ, возвратился къ своей паствѣ. Какъ въ самомъ Пекинѣ, такъ и въ другихъ пунктахъ Китая, гдѣ заброшены сѣмена православія, ожидали его прибытія. Ожидали его и въ Крестовоздвиженскомъ скиту, что въ Западныхъ горахъ близъ Пекина. За недѣлю еще завѣдующій скитомъ, іеродиаконъ Орентій, просилъ помощи изъ братіи Успенскаго монастыря и при ихъ содѣйствіи убралъ саль и привелъ въ порядокъ, въ праздничный видъ, всѣ дворы скита; а тутъ и уборка хлѣба подоспѣла,—просо, кукуруза, горохъ. Все постепенно сносилось на токъ, молотилось тамъ и распредѣлялось по сортамъ и по предметамъ, что въ кладовыя, что подъ навѣсъ или въ копны. Работа кипѣла. Небольшое хозяйство скита, раскинувшася у подошвы горъ и окруженнаго миссіейскимъ участкомъ въ шестьдесятъ десятинъ, заключало въ себѣ чуть ли не всѣ виды земледѣлія. Есть тутъ и овцы и рогатый скотъ; всего понемногу.

Наступилъ давно желанный день,—30-ое сентября. Въ четвертомъ часу дня Владыка прибылъ въ скитъ и былъ встрѣченъ колокольнымъ звономъ и всею братіею скита, ожидавшею внизу каменной лѣстницы, ведущей въ главные ворота. Скитъ устроенъ здѣсь всего четыре года тому назадъ и являетъ видъ благоустройства и уютной тихой пристани, гдѣ и дышется легко и молитва теплѣе и трудъ живительнѣе, чѣмъ въ многолюдномъ и шумномъ Пекинѣ. Владыка, устроившій этотъ скитъ, является и хозяиномъ его и жильцомъ, инициаторомъ и исполнителемъ каждаго предпріятія. Каждая вещь здѣсь имѣетъ свое мѣсто и назначеніе съ его благословенія. Вотъ почему ему и устроена была радушная встрѣча. Христіане китайцы толпою собрались у воротъ, чтобы принять архипастырское благословеніе, а сколько ихъ еще ожидало во дворѣ и у церкви! Вечеромъ за богослуженіемъ полна была ими церковь, не смотря на то, что было уже поздно, небо хмурилось и возвращаться изъ скита въ деревню было нелегко. Ночью пошелъ дождикъ, продолжавшійся почти весь слѣдующій день. Но жизнь скита продолжалась въ своемъ порядкѣ. Также рано пастухи-мальчики выгоняли овецъ и козъ на траву, рабочіе сѣяли и заволакивали озимую пшеницу. Тамъ рыли картофель; здѣсь сушили земляные орѣхи...

Около полудня прѣѣхали изъ Пекина протодіаконъ о. Василій Дѣ съ пѣвчими, большею частію семинаристами. Устроена была сѣвка, катехизаторъ готовилъ поученіе, послушники убрали храмъ цвѣтами полевыхъ травъ.

Въ канунъ Покрова совершенно всенощное бдѣніе въ присутствіи Владыки при большомъ стеченіи молящихся.

А на утро литургія архіерейскимъ служеніемъ начата съ 7 часовъ и продолжалась болѣе часа. Стройное пѣніе, во всемъ порядкѣ и благочиніи, торжественность литургіи; все это привлекало китайцевъ. Они внимательно выслушали поученіе о Покровѣ Пресвятыя Богородицы, всякая мысль въ чудное видѣніе блаженнаго Андрея и его разговоръ съ Елифаніемъ,—ученикомъ, оказавшимся достойнымъ своего учителя.

По окончаніи литургіи, послѣ нѣкотораго перерыва, сформировался крестный ходъ, чтобы итти на гору для освященія колодца и часовни. Шествіе во главѣ со Владыкой двинулось изъ храма черезъ каменную площадку, на которой нѣкогда возвышалась кумирня, потомъ черезъ садъ и западную калитку направилась пашнями мимо недоконченной угольной шахты, а затѣмъ повернуло къ горамъ и стало подыматься по извиистой дорожкѣ, нарочно прочищенной въ высокой травѣ и скользившей по бокамъ горныхъ отроговъ, то взбираясь на нихъ, то спускаясь къ сторонамъ овраговъ. Трогательное зрѣлище представлялъ этотъ крестный ходъ, заброшенный въ такой дали отъ христіанскаго міра, въ горахъ, гдѣ тамъ-и-сямъ видны капища и много развалинъ древнихъ кумирень и монастырей. Прекрасный солнечный день, тихое колебаніе хоругвей, блескъ крестовъ и иконъ, праздничныя облаченія духовенства, стройное пѣніе семинаристовъ-китайцевъ, пѣвшихъ всю дорогу по-русски стихиры богородичны на малое освященіе воды, наконецъ толпа христіанъ, сопровождавшая шествіе, растянувшееся на версту,—все это при обстановкѣ окружающихъ холмовъ производило неотразимое дѣйствіе на душу. Впереди насъ на самомъ верху горной гряды былъ виденъ крестъ, водруженный ранѣе, при основаніи скита; отъ него въ обѣ стороны видѣлись бѣлые столбы ограды, окружающей всю скитскую землю. Крестный ходъ подымался все выше и выше... Но неужели тамъ, на такой высотѣ возможно найти воду, возможно устройство колодца? Но что поетъ въ псалмѣ Давидъ: „На горахъ станутъ воды. Дивны дѣла Твои Господи!“ Приходимъ на мѣсто, и что же? Дѣйствительно—колодецъ, полный воды и она всего на сажень отъ поверхности земли. Мѣсто это, окруженное съ трехъ сторонъ крутыми горными отрогами и представляющее долину, обра-

ботанную въ видѣ нѣсколькихъ площадей, спускающихся уступами къ востоку. На верхней площади, гдѣ и былъ колодець, видны развалины древняго буддйскаго женскаго монастыря, который и пользовался этимъ колодецемъ. Въ прошлыхъ вѣкахъ монастырь опустѣлъ и колодець засорился и сравнялся съ окружающею его грудю развалинъ. Между тѣмъ какъ современные намъ насельники горъ, крестьяне хлѣбопашцы, очень нуждаясь въ водѣ, почему-то не догадались разрыть колодець, думая, вѣроятно, что онъ слишкомъ глубокъ и небогатъ водою. Теперь же братія скита отрыли этотъ колодець, нашли въ немъ сильную струю чистой, сладкой воды и приурочили его открытiе къ приѣзду Владыки, чтобы торжественно освятить его для всеобщаго употребленiя. Теперь, благодаря этому колодецу, вся мѣстность вокругъ оживится, а нижнiя террасы будутъ обработаны подь огорожь, какъ это было въ древности на этомъ же мѣстѣ. Исторiя повторяется; только теперь уже земля будетъ обрабатываться не язычниками, а братiей скита. Когда крестный ходъ расположился вокругъ колодца и служенiе молебна продолжалось, хоръ кузнечиковъ въ высокой сухой травѣ вторилъ нашему хору, порою заглушая его...

Окончилось водоосвященiе, крестный ходъ двинулся къ часовнѣ. Часовня эта, прислонена къ высокому каменному обрыву на верху холма, съ котораго открывался чарующiй видъ на равнину, усѣянную деревьями, рощами, перерѣзанную дорогами, полями и сливающуюся на горизонтѣ въ одно зеленѣющее море деревъ, гдѣ въ мгlistой дали выступаютъ тускляя очертанiя башенъ и воротъ Пекина, а также верхушки дворцовъ и пагодъ, означающихъ огромное пространство, занимаемое столицей Китая. Глазь окидываетъ въ другую сторону, на востокъ, холмы, увѣнчанные дворцами и мавзолеями государей цинской династiи, а у подножiя этихъ холмовъ сверкаетъ зеркальная поверхность искусственныхъ озеръ, обрамленныхъ рощами и садами. Еще ближе видны причудливые верхи капищъ, а ближе разворачивается панорама скита, тонущаго въ зелени деревъ, у подножiя же холма разстилаются террасы огородовъ, и изумрудная зелень поздней капусты смѣняется узкими полосками темнокоричневой зелени индиго. Вотъ на такомъ-то холмѣ стоялъ въ открытомъ киоскѣ идолъ Будды изъ сѣраго камня. Еще и теперь у подошвы холма видны обломки его, а теперь киоскъ обдѣланъ въ видѣ часовни съ однимъ большимъ крестомъ на крышѣ и двумя малыми крестами по угламъ, на маленькихъ главкахъ. Предъ часовней разстлана крыльцо или открытая веранда, съ которой виденъ скитъ съ прилегающими къ нему землями, пашнями. Здѣсь-то

крестный ходъ и остановился, пока Владыка читалъ молитвы и окроплялъ святой водой часовню. Потомъ въ глубинѣ ея, въ нишѣ, былъ установленъ образъ Владимірской Божіей Матери, писанный на доскѣ въ мастерской Успенскаго монастыря въ Пекинѣ. Послѣ сего крестный ходъ медленно возвращался при колокольномъ звонѣ по той же дорожкѣ въ скитъ.

Огнупскомъ молебнѣ съ многолѣтіемъ въ церкви закончилось торжество, и христіане, принявъ благословеніе епископа Иннокентія, оставляли скитъ, возвращаясь къ своимъ дворамъ и мирнымъ занятіямъ.

(Богол. Вѣс. № 1).

А. А.

ПОВѢДКА ВЪ МУКДЕНѢ.

Во время моего пребыванія въ г. Харбинѣ въ Мартѣ м. с. г. выяснилась необходимость съѣздить въ г. Дальній по дѣламъ Миссіи. Послѣ праздника Благовѣщенія—престольнаго праздника церкви подворья Миссіи въ Харбинѣ,—съ большой торжественностью отпразднованнаго подворьемъ, пришло время оставить г. Харбинъ. 27 Марта съ ночнымъ поѣздомъ я выѣхалъ въ Мукденъ, куда прибылъ въ 3 часа дня. До вечерняго поѣзда оставалось часовъ 5, которые мнѣ хотѣлось использовать для осмотра г. Мукдена. Немедленно отпавился я къ г. Консулу, который отнесся съ полной предупредительностью къ моему желанію осмотрѣть столицу Маньчжуріи, и далъ мнѣ въ качествѣ проводника бывшего солдата-китайца, говорящаго немного по-русски. Взявши двухъ рикшъ на нѣсколько часовъ, мы поѣхали сперва осматривать католическій соборъ. Меня проводили къ католическому миссіонеру; побесѣдовавъ съ нимъ нѣсколько по-французски, и привѣтливо распростившись съ нимъ, я пошелъ въ соборъ. Была страстная пятница по нов. стилю. Въ соборѣ скоро должна была начаться служба. Величественный, нѣсколько мрачный, соборъ производитъ впечатлѣніе; впереди ярко выдѣляется бѣлый алтарь художественной отдѣлки. На скамьяхъ уже сидѣло нѣсколько женщинъ-китайокъ, собиравшихся къ службѣ. Осмотрѣвши соборъ, мы поѣхали къ императорскому дворцу: въ настоящее время дворецъ пустъ; рядъ зданій китайской архитектуры, запущенныхъ, производитъ унылое впечатлѣніе. Рядомъ съ дворцомъ—площадка, на которой воздвигнутъ небольшой храмъ Небу, и рядъ домиковъ-кумирень. Больше интереса представляетъ Императорская могила, верстахъ въ трехъ отъ города; по выѣздѣ изъ города приходится ѣхать сперва полемъ, потомъ дорога идетъ тѣнистой рощей, среди которой и находится могила Ло-митанга. Къ главному входу ведетъ широкая лѣстница. Мы подъѣхали къ боковому входу. Черезъ небольшія ворота вступили мы въ рощу, содержащую очень чисто; дорога привела къ большой площадкѣ, по обѣимъ сторонамъ которой находились изваянія всевозможныхъ животныхъ. Слѣва—рядъ домиковъ, въ которыхъ живутъ хранитель и сторожа. Сторожъ

открылъ ворота и пропустилъ насъ въ главный дворъ, окруженный высокими и широкими стѣнами; надъ воротами возвышается трехъярусная башня; на дворѣ находятся нѣсколько кумиренъ съ таблицами умершихъ предковъ. Поднявшись на стѣну, мы прошли по ней до противоположной стороны, на которой возвышается высокій холмъ на широкой площадкѣ, окруженной оградой. Этотъ холмъ и есть самая могила. Поднявшись по тропинкѣ на вершину холма, мы увидѣли въ среднѣй вершинѣ небольшое углубленіе, усаженное вокругъ деревьями. На возвратномъ пути мы поднялись на самый верхній ярусъ вышеупомянутой башни, откуда открывается прекрасный видъ черезъ рошу на Мукденъ. Эта могила даетъ представленіе объ устройствѣ императорскихъ могилъ вообще. Это—грандіозныя сооруженія, служація для увековѣченія памяти императоровъ. На возвратномъ пути мы проѣхали мимо русскаго кладбища; подробнѣе осмотрѣть его не было времени. Теперь на немъ построена каменная церковь, оригинальной архитектуры: куполъ представляетъ изъ себя шлемъ; храмъ еще не совсѣмъ готовъ; освященіе его предполагается въ непродолжительномъ времени. При церкви создается домъ для священника и причта. Кладбище содержится въ чистотѣ и порядкѣ. Невольно пришли въ голову воспоминанія изъ 1900 и 1905 г. У г. Консула ждалъ меня уже чай и закуска. Къ сожалѣнію, надо было спѣшить на поѣздъ,—почему пришлось отказаться отъ удовольствія провести вечеръ въ пріятной бесѣдѣ въ семьѣ г. Консула. Въ 8 час. веч. тронулся поѣздъ въ г. Дальній; вагонъ былъ совершенно полонъ; перспектива провести всю ночь въ сидячемъ положеніи была неособенно пріятна. Публика—по большей части японцы. Размѣченіе доставляли японскіе ученики, ѣхавшіе, по видимому, на экзаменъ, всего около 10 человекъ въ возрастѣ отъ 13-14 л.; болтовня смѣхъ, разныя шалости. Наболтавшись, они рѣшились приняться за науку, достали учебники, образовалась группа съ однимъ усерднымъ ученикомъ во главѣ, которая рѣшала какія-то задачи. Наконецъ, юная компанія проголодалась; они достали коробочки съ сладостями и пирожными. Послѣ ѣды замѣтно шалуны стали затихать и, наконецъ, заснули влѣдствіе тѣсноты въ самыхъ неестественныхъ позахъ. Утромъ показалось море: мы приближались къ перешейку. Въ 8-мъ часу прибыли въ Дальній.

Поѣздка въ Тянь-цзинь.

(Проводы Русскаго охраннаго отряда.)

1914 года 6 Марта Начальникомъ роты охраннаго отряда былъ посланъ запросъ къ Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Иннокентію, Начальнику Пекинской Духовной Миссіи, о томъ, чтобы Начальникъ Миссіи выслалъ изъ Пекина въ г. Тяньцзинь одного изъ іеромонаховъ или священниковъ для того, чтобы отслужить напутственный молебенъ для всей роты солдатъ съ ея начальниками, которая отправляется опять обратно въ Россію, а съ молебномъ вмѣстѣ—обѣдницу, чаю и прочее.

Начальникомъ Миссіи Его Преосвященствомъ былъ командированъ я. Въ восемь часовъ утра 6 Марта со скорымъ поѣздомъ я выѣхалъ изъ Пекина въ Тяньцзинь. Въ Тяньцзинь пріѣхалъ къ 12-ти часамъ дня и остановился на миссійскомъ подворьѣ. Тутъ въ два часа времени успѣлъ обойти и осмотрѣть подворье, состоящее изъ церкви, школы и нѣлькискохъ зданій изъ коихъ въ

нѣкоторыхъ живутъ жильцы. Подворьемъ въ Тяньцзинѣ пока временно завѣдуетъ молодой китаецъ, бывшій ученикъ Пекинской Духовной Семинаріи, онъ же псаломщикъ и катехизаторъ. Въ школѣ 20 учениковъ мальчиковъ, которыхъ китайской грамотѣ учитъ китаецъ-учитель.

Въ третьемъ часу дня я и упомянутый сейчасъ псаломщикъ-семинаристъ, нанявъ рикши, поѣхали въ Отрядъ для совершенія богослуженія. Разстояніе отъ подворья до Отряда около четырехъ верстъ. По пути заѣхали къ хорошимъ знакомымъ: къ полицмейстеру, (онъ же и церковный староста Тяньцзинской отрядной церкви) Н. А. Жебраку, и секретарю Консульства Ю. М. Васильеву. Оба они съ давнихъ временъ были знакомы со мною и очень рады были меня видѣть. Отъ ихъ угошенія мы отказались, такъ какъ на подворьѣ только что пообѣдали и попили чаю. Долго сидѣть у знакомыхъ намъ не пришлось, такъ какъ торопились къ богослуженію. Церковный староста Н. А. Жебракъ сдѣлалъ сейчасъ же распоряженіе, то-есть послалъ съ письмомъ нарочнаго къ Начальнику роты, чтобы Начальникъ далъ солдатъ для уборки церкви и сообщилъ, когда удобно сдѣлать начало службы. Нарочный, сѣвъ на велосипедъ, сейчасъ же помчался къ мѣсту назначенія, предупредивъ насъ, что онъ успѣетъ встрѣтить насъ на дорогѣ, и все скажетъ: когда службу начать и прочее. И дѣйствительно, мы еще не доѣхали до казармъ съ полъ-версты, какъ вдругъ изъ переулка выбѣгаетъ солдатъ и проситъ насъ остановиться. Что такое?—спрашиваю я.—Ротный командиръ желаетъ съ Вами переговорить,—отрапортовалъ солдатъ. Вдали подвигался къ намъ офицеръ—ротный командиръ. Онъ со своими нѣсколькими солдатами укладывалъ въ вагоны военную утварь для отправки въ Россію. Около вагоновъ ходили солдаты, брали съ воевъ разную мебель и укладывали въ вагоны. Подойдя къ намъ, офицеръ поздоровался и поблагодарилъ, что мы пріѣхали проводить ихъ. «Вы, говорить, спрашиваете, батюшка, когда, то-есть въ которомъ часу, начать службу: я думаю, что въ 6 часовъ вечера мы освободимся, и если можно, то вотъ въ это время нельзя ли будетъ сдѣлать начало службы?» Я отвѣтилъ: я пріѣхалъ къ Вашимъ услугамъ и такъ буду исполнять, какъ мнѣ скажете.—Онъ, повидимому, торопился вернуться опять къ вагонамъ и, не медля, позвалъ одного изъ солдатъ, чтобы насъ проводилъ до церкви и по повелѣнію его сдѣлалъ бы тамъ распоряженіе, чтобы пономарь и сторожа поскорѣе убирали церковь. Мы, сидя на рикшахъ, потихоньку продолжали путь за провожатымъ до церкви. Въ часъ времени церковь была готова къ богослуженію, но до службы еще осттвался одинъ часъ. Чтобы во благо употребить этотъ часъ времени, я вздумалъ позвать пѣвчихъ изъ солдатиковъ и чтеца, чтобы прорепетировать съ ними, что пѣть и что читать. Я раньше сказалъ, что со мною ѣдетъ псаломщикъ, но нужно замѣтить, что этотъ псаломщикъ—китаецъ, потому и читать бѣгмо могъ онъ только по-китайски, по-славянски же хотя онъ и читалъ, но медленно, пѣть же онъ могъ все вотное и простое по-русски, какъ и русскій. Но, благо, и изъ солдатиковъ нашелся одинъ чтець, бывшій псаломщикомъ, который порядокъ чтенія, даже великопостнаго, зналъ хорошо, а также зналъ, что и какъ пѣть,—такъ-что репетировать пришлось совсѣмъ недолго. Къ шести часамъ подъ командой одного фельдфебеля пришла вся рота къ церкви. Церковь эта представляетъ собою памятникъ, называется же такъ потому, что имѣетъ и алтарь для служенія. По причинѣ малаго размѣра памятникъ не могъ вмѣстить въ себѣ роты солдатъ. Въ самомъ памятникѣ стояли только пѣвчіе и служащіе, солдаты же почти все размѣстились на площадкѣ, находящейся на одномъ уровнѣ съ по-

ломъ церкви, а отъ земли поднятой больше чѣмъ на русскую сажень. Какъ церковь-памятникъ, такъ и кругомъ оной площадка сдѣлана не изъ кирпича, а изъ сѣраго тесаннаго мрамора отъ земли до верха. На западъ къ рѣкѣ, на возвышенной, искусственно сдѣланной изъ того же мрамора ексль, съ распростертыми крыльями красовался чугунный литой громаднаго размѣра двухъ-главый орелъ. Между оконъ въ памятникъ вставлены бѣлаго мрамора шлифованныя плиты, такого же размѣра, какъ и окна, съ выгравированными на нихъ вызолоченными буквами именами воиновъ, павшихъ въ 1900-мъ году въ г. Тяньцзинѣ. Вечерняя служба была непродолжительна. Началась она съ великаго повечерія, послѣ котораго была отслужена утренняя съ первымъ часомъ. Богослуженіе окончилось въ восьмомъ часу. Изъ высшихъ лицъ никого не было. Церковный староста только пришелъ въ началѣ службы и потомъ, извинившись, ушелъ куда-то по очень важному дѣлу, а вмѣсто него остался его попечитель. О завтрашнемъ днѣ, когда начать службу, я не могъ ни у кого спросить, какъ только у пѣвчихъ, потому что старшихъ никого не было. Пѣвчіе сослались на меня, что я будто-бы долженъ назначить время начала службы, а я отъ этого отказывался, говоря, что я пріѣхалъ служить не для себя, но для людей, и потому я долженъ слушать того, кто меня позоветъ. Они на это отвѣтили что тѣхъ, кто Вася звалъ, здѣсь нѣтъ и невѣстно, гдѣ они. Тогда я предложилъ самимъ назначить время службы. Они согласились и время назначили въ 8 часовъ утра. На слѣдующій день, то-есть 7 Марта, я съ псаломщикомъ пришелъ къ ротной церкви въ 7 часовъ утра. Церковный сторожъ открылъ намъ калитку сада и удивился тому, что мы такъ рано пришли. Въ саду, конечно, никого не было. Въ церковь войти было нельзя, такъ какъ церковный попечитель унесъ съ собою ключи, почему намъ пришлось погулять по саду. День былъ прекрасный. Нѣсколько разъ мы проишлись по аллеямъ сада, осмотрѣли пруды, въ которыхъ весело играла рыба. На деревьяхъ только что начали показываться почки. За садомъ на рѣкѣ чистила обмелѣвшее ея дно землечерпательная машина, которая то гремѣла котлами, то звякала цѣпью, то издавала какіе-то сильные удары, какъ-бы большимъ молотомъ. Мой псаломщикъ, не слыхавшій никогда такихъ звуковъ, спросилъ меня, почему этотъ пароходъ такъ стучитъ и гремитъ, на что я ему отвѣтилъ, что это не пароходъ, а грязе-черпательная машина, которая чиститъ обмелѣвшее дно рѣки. Онъ попросилъ подойти съ нимъ поближе къ ней и хорошенько посмотреть. Мы черезъ калитку вышли изъ сада и по набережной зашли зади машины и стали смотрѣть, какъ громадные котлы, наполненные грязью, чьей-то силой поднимались вверхъ, а потомъ сверху земли по трубѣ падала въ рядомъ стоявшую съ ней шлангу. Псаломщика это сильно удивляло. Я тутъ же рассказывалъ ему, какъ это поднимается земля, какъ набираетъ грязь въ котлы со дна, и прочее. Времени уже было 7 часовъ. У калитки сада уже стояло нѣсколько солдатъ. Это были вчерашніе пѣвчіе, которые пришли раньше для того, чтобы до службы опять подготовиться, что пѣть и что читать. Но не успѣлъ я взойти на церковную площадку, какъ съ дѣстицы еще увидѣлъ роту солдатъ, мѣрнымъ шагомъ подвигавшуюся по направленію въ церковь. Я поздравилъ псаломщика солдата, который вчера читалъ, и передалъ ему кратко, что читать и что пѣть, и сейчасъ же началось богослуженіе. Были отслужены часы—третій, шестой и девятый, обѣдница, а за ней—напутственный молебень. Кромѣ роты солдатъ, на богослуженіи присутствовали два офицера, изъ коихъ одинъ былъ православный, другой же, повидимому, былъ католикъ, ибо, какъ я замѣтилъ, онъ, подходя ко кресту, крестился ладовью и на плечи клалъ не

справа налево, а слѣва направо. Кромѣ офицеровъ было еще душъ пять женщинъ съ дѣтьми. Къ концу службы пришли еще человекъ пять офицеровъ, изъ которыхъ одинъ сталъ меня просить пойти на кладбище отслужить панихиду по убитымъ и умершимъ воинамъ, а для болѣе торжественной службы взять запрестольный крестъ и иконы. Мы такъ и сдѣлали. Кладбище, куда мы шли, отстояло отъ церкви съ небольшимъ около одной русской версты. На кладбищѣ хоръ пѣвчихъ увеличился. Въ церкви, какъ я раньше сказалъ, пѣвчими управлялъ псаломщикъ изъ солдатъ, а на кладбищѣ къ пѣвчимъ присоединился одинъ изъ офицеровъ, должно быть, знающій это дѣло. Прежній регентъ, увидѣвъ своего начальника, приближающагося къ нему, сейчасъ же уступилъ ему свое мѣсто, и тутъ уже за регента былъ офицеръ,—пѣніе сейчасъ же пошло стройнѣе и вышло очень прекрасно. Съ кладбища вся рота со своими начальниками пошла на свое мѣсто, ибо она уже спѣшила идти на вокзалъ, чтобы сѣсть въ вагоны, а я съ пономаремъ и со своимъ псаломщикомъ вернулся въ церковь, чтобы отнести туда крестъ, Евангеліе и иконы, послѣ чего мы сѣли на рикши и поѣхали на свое подворье, гдѣ мы пообедали, а послѣ обѣда я сейчасъ же сталъ собираться, чтобы вернуться въ Пекинъ.

Иеромонахъ Смарагда.

Поѣзка въ Хунъ-шань-юй.

Съ благословенія Его Преосвященства, Начальника Миссіи, я въ одинъ прекрасный день выѣхалъ въ сопровожденіи четырехъ китайцевъ и одного монгола-ламы изъ города Пекина по направленію къ Монголіи для осмотра мѣстности Хунъ-шань-юй, отстоящей отъ Пекина въ 120 ли на сѣверо-западъ, въ которой предположено приобрѣсть мѣсто для открытія стана. Поѣхали мы, я на лошади, а спутники мои на осликахъ, которыхъ наняли внѣ Пекина. Проѣхавъ полдня, мы доѣхали до мѣстечка Ли-шуй-чэ какъ-разъ къ обѣденному времени—12-ти часамъ. Я хотѣлъ было продолжать путь, но спутники мои упросили меня остановиться въ имѣющей здѣсь харчевнѣ пообѣдать, подтверждая свое желаніе тѣмъ, что далѣе по пути уже гостинницъ не найдемъ, да и отдохнуть хорошо бы. Я согласился. Мои спутники заказали обѣдъ. Обѣдъ вскорѣ подали. Конечно, европейскаго ничего, все въ чисто китайскомъ вкусѣ. Подали гороховый сырой кисель (доу-фа) и на второе какую-то вареную траву вродѣ нашего салата. Вотъ и весь обѣдъ. Но не смотря на скудость онаго, плату за него спросили обильную, что, конечно, здѣсь въ порядкѣ вещей, ибо по китайскимъ понятіямъ, съ кого же и содрать, какъ не съ европейца. Пообѣдавъ и отдохнувъ часа два, мы рѣшили отправиться далѣе. Я вышелъ на улицу. Оказалось, что идетъ мелкій дождь. Небо заволочло тучами, такъ что, повидимому, на скорый конецъ онаго надежды было мало. Нужно было скорѣе ѣхать къ цѣли путешествія. Ждать было нельзя, да и денегъ было маловато у меня. Вообще, дождь этотъ меня немного пугалъ, а спутниковъ моихъ прямо приводилъ въ отчаяніе (китайцы дождя боятся какъ огня ввиду ихъ тряпичной обуви). Но такъ какъ время не терпѣло, то рѣшено было ѣхать, я же задумалъ зачехлиться зонтомъ. Гостинникъ заявилъ, что здѣсь во всей мѣстности нѣтъ совсѣмъ продажныхъ зонтовъ. Это говорилось по уговору съ моими спутниками, что я понималъ изъ ихъ разговоровъ съ хозяиномъ. Я настоялъ, и мнѣ принесли китайскій зонтъ, за который пришлось отдать 60 центовъ. Наконецъ мы дви-

нулись въ путь. Но что это была за дорога, Вы, читатель, и представить себѣ не можете. Дождь въ концѣ концовъ полилъ какъ изъ ведра. Дорога превратилась въ сплошную жидкую грязь, и потому приходилось выбирать тропинки и мѣста болѣе сухія. Не смотри на зонтикъ, меня изрядно промочило, а уже о спутникахъ и говорить нечего. Измученные плохой дорогой ослики то и дѣло спотыкались и падали въ грязь, увлекая и сѣдоковъ съ собою. Неоднократно приходилось поднимать то одного, то другого. Хотя мнѣ и досталось отъ дождя, не смотри на зонтикъ, но все же не такъ, какъ спутникамъ. На нихъ жалко было смотреть. Лица, руки и одежды ихъ были буквально въ сплошной грязи. Жалби ихъ, я препожилъ остановиться въ первой попавшейся деревушкѣ, обождать дождь, обсушиться и дать отдыхъ нашимъ животнымъ. Но спутники мои отказались сами почему-то, говоря, что теперь уже не далеко до того мѣста, куда ѣдемъ. Было уже 4 часа вечера. Я, въ чашии поспѣхѣ добравшись до мѣста, спрашивалъ каждаго встрѣчнаго, сколько верстъ до Хунъ-шань-юй; но отвѣтъ получался разный: кто говорилъ, что 20 ли, кто 30, а кто и 35 ли. Вотъ доѣхали до рѣчки, которую нужно переѣзжать вбродъ. Рѣчка эта отъ дождя переполнилась, и теченіе ея было настолько сильно, что было страшно ее переѣзжать, она казалась намъ глубокою, и только дорога на одномъ мѣстѣ указывала, что здѣсь бродъ и бояться нечего. Стали переправляться, понукая коня и осликовъ. Одинъ за другимъ побрели по брюхо въ водѣ бѣдныя животныя. Переправа эта не обошлась безъ трагикомическаго происшествія. Нашъ уважаемый лама шелъ къ рѣчкѣ сердитый и задумчивый пѣшкомъ, ведя своего ослика въ поводу. Когда настало время на него садиться, то онъ выбралъ удобный камень и, вступивъ на него, хотѣлъ вспрыгнуть на ослика. Ослякъ бѣдный потерялъ равновѣсіе отъ тяжести сѣдока, да еще на скользкомъ днѣ и увлекая несчастнаго ламу, свалился въ воду. Кое-какъ поднывшись, онъ съ большимъ усиленіемъ помогъ подняться своему животному и выбраться на болѣе твердое дно. Бѣдный монголъ вымокъ до нитки, принявъ невольную ванну съ головы до ногъ. Наконецъ мы выбрались на другую сторону рѣчки и направились дальше. Стало уже темнѣть; рѣчка долго насъ не оставляла, все еще было слышно ея журчаніе между камней. Она проходила между горъ и, можетъ быть, въ ками прорыла этотъ узкій проходъ. Въ 6 часовъ вечера стало уже совсѣмъ темно, а мы все еще находились въ ущельѣ между горъ, покрытыхъ облаками тумана. Дождь шелъ все сильнѣе. Тьма стояла непроглядная. Невольно въ душу прокрадывался страхъ и трепетъ. Думалось, здѣсь кромѣ насъ шестерыхъ людей нѣтъ ни души, а время смутное. Можетъ быть, гдѣ поблизости скрываются хунхузы (китайскіе разбойники) или, что еще хуже, какой-нибудь отрядъ солдатъ, встрѣтивъ насъ, можетъ принять насъ за хунхузовъ и перестрѣлять до единаго. Страшно; но дѣлать нечего, нужно продолжать путь. Варугъ чулъ въ-то задаяла собака. Мы все сразу, какъ-то приободрились, и рѣшили ѣхать на ея голосъ, въ надеждѣ найти жилище. Дѣйствіе становилось все ближе и ближе и наконецъ оказалось преграда: мы очутились у крутого утеса, на который въ темнотѣ, не зная дороги, взобраться было очень трудно. Стали искать подъемъ на него, но темнота была такая, что хоть глазъ выколи, и наши поиски были тщетны. Тогда мы опять пошли на собачій лай. Крутой гористый подъемъ былъ заваленъ камнями, дровами. Съ большимъ трудомъ поднывшись до крутизны, мы попали къ небольшой кумирнѣ. Обрадовались пристанищу, мы рѣшили здѣсь расположиться; но пришлось разочароваться, ибо кумирня была биткомъ набита людьми. Это были рабочіе угольщики. Для насъ здѣсь

мѣста не оказалось и потому пришлось снова пуститься въ путь на поиски ночлега. Черезъ полчаса ѣзды мы прибыли наконецъ къ цѣли своего путешествія. Было уже 9 часовъ вечера. На нашъ стукъ въ ворота насъ немедленно впустили во дворъ, убрали нашихъ животныхъ и послѣ взаимныхъ привѣтствій согрѣли намъ кипятку и напоили насъ чаемъ (конечно, безъ сахару). Съ дороги мы весьма проголодались и потому попросили приготовить намъ чего-нибудь покушать. Но какъ нарочно, въ домѣ ничего, кромѣ кукурузной муки, не оказалось. Голодному все хорошо. Взяли кашку кукурузной муки, замѣсили тѣсто на холодной водѣ, надѣлали продолговатыхъ хлѣбцевъ и стали ихъ печь на огнѣ. Такіе хлѣбцы не могли быстро испечься и потому пришлось ихъ ѣсть надырь. Съ голодухи всѣ на нихъ накинудись и въ результатѣ получилось весьма печальное явленіе. Я, расположившись въ отведенной мнѣ комнатѣ, заболѣлъ, да такъ, что и не чаялъ живымъ остаться. Уставши съ дороги, промокну до нитки, да еще покушавши такой тяжелой пищи, какъ сырое кукурузное тѣсто, какъ еще я тифа не получилъ?! Улегшись въ постель, я почувствовалъ головную боль, сильную слабость и ломоту во всѣхъ членахъ. Часу въ десятомъ утра я почувствовалъ силу подняться съ постели и первымъ долгомъ, умывшись и помолвившись Богу, послалъ купить чего-нибудь покушать, ибо былъ очень голоденъ. За покупкой нужно было идти за пять верстъ, но идти вызвался одинъ мальчикъ; которому я и поручилъ купить киселя, луку, сои, муки и соли. Онъ живо сбѣгалъ на базаръ, но, къ моему огорченію, нашель тамъ и принесъ черной муки по 12 центовъ за фунтъ. Мальчику можно повѣрить: что же можетъ быть въ горахъ, кромѣ камней? Обѣдъ—прѣсныя лепешки—приготовили, но ѣлъ я мало, такъ какъ голова кружилась и аппетиту не было. Оправившись на другой день, я сталъ знакомиться съ мѣстностью, обошелъ всѣ горы, предназначенныя къ продажѣ, сосчиталъ даже деревья. На горахъ росло 800 штукъ красивыхъ сосенъ; фруктовыхъ деревьевъ малыхъ и большихъ болѣе 4000 шт., осинъ 60 штукъ, а дуба мелкаго такъ много, что я и считать не сталъ. Земля всего 90 му и домовъ на оной 34 цзяня. Кругомъ сада течетъ ключевая чистая вода, которая весьма благопріятно вліяетъ на всю растительность. На третій день въ первомъ часу дня я выѣхалъ съ моими спутниками домой въ г. Пекинъ. Послѣ трехчасовой ѣзды мы доѣхали до гостиницы, гдѣ задумали отдохнуть. Зайдя въ оную, мы увидѣли, что здѣсь происходить похороны. Печальная толпа народа пріѣхала провожать покойника, почему на дворѣ стояло много осликовъ, къ каковой компаніи мы присоединили своихъ шесть. Ослики вообще не стоятъ смирно, а тутъ на бѣду одинъ изъ нашихъ, оборвавъ поводья, пошелъ бѣгать по двору и, наконецъ, нанавъ на одного, повалилъ его и сталъ грызть. Тотъ бѣдный заоралъ на весь дворъ благими матомъ. Китайцы бросили покойника и, выбѣжавъ на дворъ, стали водворять порядокъ. Съ большимъ трудомъ, поймавъ нашего забіяку, мы отправились далѣе. Черезъ 8 часовъ ѣзды мы пріѣхали въ одну деревню, гдѣ и переночевали, а на четвертый день прибыли благополучно въ Пекинъ.

1914 года.

Монахъ Евѣдѣевъ.

Метеорологическій бюллетень за Май 1914 г.

(По свѣдѣнiямъ метеор. стан. Пекинской Духовной Миссии).

Средняя температура воздуха +21,9; высшая +34,5; низшая -6,5.

Барометръ: максимумъ 763,5; минимумъ 742,9; средн. 754,0.

Гигрометръ: утромъ 100; днемъ 83; вечеромъ 93.

Дней съ осадками 4; толщина слоя—11,6 мм.

Ясныхъ дней—8, облачныхъ 18, пасмурныхъ 5.

Дней съ сильнымъ вѣтромъ 2; съ слабымъ—24; безъ вѣтра—5. NE—12; SE—4; S—5; SW—10; NW—20.

Два года въ запретномъ городѣ.	стр. 1.
Св. Николай и Китайцы.	10.
Изъ жизни Миссии.	11.
Мученическая смерть Иннокентiя Фань и его семьи. II.	13.
Католическая Миссия. I.	15.
Рафератъ аббата Lebbe. II.	16.
Протестантская Миссия.	18.
Изъ жизни Китая. I.	19.
Сынъ Неба. II.	20.
Въ далекомъ Китаѣ.	22.
Поѣздка въ Мундень.	25.
Поѣздка въ Тянь-цзинь.	26.
Поѣздка въ Хунъ-шань-юй.	29.
Метеорологическiй бюллетень за Май 1914 г.	32.

Редакторъ
Игуменъ Христофоръ.

Печатасть дозволяется.
Епископъ Иннокентiй.

Г. ПЕКИНЪ.

Типографiя Успенскаго Монастыря при Русской Духовной Миссии.

1914.